

Гали Манаб

*Всего лишь
женщина*

Серия
«Психологический
роман»

СК

Психологический роман

Гали Манаб

Всего лишь женщина

«Издание книг ком»

2014

УДК 82-31
ББК 84-44

Манаб Г.

Всего лишь женщина / Г. Манаб — «Издание книг ком»,
2014 — (Психологический роман)

ISBN 978-5-91775-157-3

Извечный вопрос: чего хочет женщина? По мнению автора, жизнь героини романа посвящена поиску ответа на этот риторический вопрос.

УДК 82-31

ББК 84-44

ISBN 978-5-91775-157-3

© Манаб Г., 2014
© Издание книг ком, 2014

Содержание

В бесконечном бессознательном	6
Часть I	8
Семья	8
Тамара	14
Чудеса, да и только	16
«...Мама, мама, это я дежурю, я дежурный по апрелю»...	18
Татьяна	22
Ревность	25
Родственники	28
Рождение феминистки	32
Жертва системы	35
Ирина и Алевтина	37
Коллектив	39
Начало осуществления мечты идиота	44
Прошлая жизнь	46
Море, дети, раки	47
Алкоголизм	51
Вожделенный ордер	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Гали Манаб

Всего лишь женщина

...Он ушел, оставив меня в тягостном недоумении. Кроме сногшибательной привлекательности, у меня были образование, тонкость восприятия, бездна вкуса, колоссальная востребованность, а еще я была «на голову выше мира», в котором жил он.

Татьяна Устинова

© Манаб Гали, 2014

© ООО «ИСК», о-макет, 2014

* * *

В бесконечном бессознательном

– Хватит обливаться кровью, – не совсем деликатно, но довольно интеллигентно заявляет Мозг.

– Мне очень больно, – тихо, еле дыша, отвечает ему Сердце. – Мне не хочется больше биться.

– Глупости все это, – авторитетно заявляет Мозг. – Надо было быть осмотрительнее, не надо было кого ни попадя близко подпускать к себе.

– Мне больно, – опять жалобно, но виновато сказала Сердце. – Я, кажется, сейчас разорвусь пополам. Мне, похоже, теперь не оправиться.

– Надо было раньше об этом думать. Нет, вам любовь подавай. Разве можно поддаваться порыву? Я вас с самого начала предупреждал, не ваше это, не надо. Поначалу вы ведь и не воспринимали это... – тут Мозг сделал значительную паузу и продолжил мысль, – всерьез. А потом, неизвестно в какой момент, стали носиться со своей любовью. Любовь, любовь... Глупое Сердце.

Сердце, продолжая обливаться кровью, молча слушало. Возразить было нечего.

– Не глупое оно, а Женское, дорогой наш Мозг, – заступилась железная Логика за Сердце. – Оно очень восприимчиво, эмоционально, все человеческие переживания фильтрует через себя. Ваши обвинения неправомерны. Где же были **вы**, как могли такое допустить **вы**, позвольте поинтересоваться? Ведь все, что происходит в организме человека, – по вашей непосредственной команде, по вашему сиг налу.

– Вы, как всегда, логичны, – начал в свое оправдание Мозг. – Так мне невозможно было достучаться до него, до Сердца. Его заволокло любовью, оно было слепое и глухое. Если хотите по-научному, в нем доминировали любовь и страсть, а не разум.

– Это вас не оправдывает, дорогой Мозг. Вы должны были предугадать ход дальнейших событий и не допускать состояние Сердца до такого плачевного. Прежде всего, виноваты вы, – продолжала свое нападение железная Логика. – И не надо обвинять Сердце ни в чем. Оно выполняло свои функции верно.

От такого заступничества Сердцу стало еще тяжелее, и оно начало немного постанывать.

– Да не стони ты. Лежит тут, стонет! Мне от твоего стога аж тошно, меня сейчас вырвет, – ворчливо вмешался Желудок, – а вырвать мне даже нечем. Пустой я нынче, как барабан. Этот Рвотный Рефлекс все высосал из меня, как насосом: и водку, и «колесики», ничегошеньки не оставил. Переваривать нечего, один мой собственный сок и остался.

– Да если б не я, были бы все сейчас у Всевышнего на представлении. Я вам жизнь спас, высосал весь яд, которым вы чуть не отравились насмерть, – огрызнулся в свою очередь Рвотный Рефлекс. – И не надо на меня смотреть, как на некоторые безмозглые органы, которых только всякими хот-догами да спиртными напитками забивают. А теперь вообще надумали на спиртное еще и «колесиков» добавить, работу лишь мне находят.

– Да, хот-дог сейчас не помешал бы, – сказал пустой Желудок, даже не поняв оскорбления.

– Да помолчите вы со своими хот-догами, – уже сочувственно произнес Мозг. – Не видите, что творится с нашим Сердцем?

– Так вы признаете свое поражение, наш дорогой Мозг? – произнесла немного ироничная Логика.

– Вслушайтесь, какой бред вы несете: поражение мозга. Да если б я был поражен, вас бы здесь близко не было, согласитесь. При поражении Мозга Логика отсутствует вообще.

– Согласна. Я неточно выразилась. Я хотела сказать, что вы наконец-то признаете свою вину? – полувопросительно, но больше утверждая, нападала железная Логика.

– Моя вина в этом, несомненно, присутствует, – продолжил свое оправдание Мозг, – но поймите и вы меня. Я же один, а их вон сколько. И каждый, понимаете ли, со своими потребностями. Сердцу – подавай **безумную** любовь. Оно без нее не может. Телу – секса **умопомрачительного**, с **сумасшедшей** страстью. Глупое, безмозглое тело. У него сколько частей, столько же и потребностей. Руки не могут без ласки, ноги не могут не соблазнить противоположный пол, а какие потребности ниже пояса, я вообще воздержусь уточнять. Поллатыни я не помню как, а без латыни – неприлично. Откуда же взяться разуму? Разум и любовь, знаете ли, несовместимы. Вы уж выбирайте что-нибудь одно.

– Но, позвольте, кого вы хотите одурачить, дорогой наш Мозг? – опять встряла в разговор неугомонная железная Логика. – Все потребности всего организма – тела, головы и всех внутренних органов, вместе взятых, – это все отражение непосредственно ваших потребностей. Я опять вам повторяю, все в человеческом организме – все физиологическое и все физическое – управляется лично вами. Только вами. Исходя из этого, ответьте мне на один логически вытекающий из данной ситуации вопрос, кто виноват в том, что Сердце сейчас в таком плачевном состоянии?

Мозг, перерабатывая поступившую информацию, молчал.

– Во всем виновата я, – сказала Душа. – Это я не подчиняюсь Мозгу. Это я, свободная от разума, свободная от всего земного, соблазнила Свободой Сердце. Я ему, Сердцу, дала вкусить свободу полета неземной любви. Это я вознесла любовь до небес... Мы так высоко поднялись в своих мечтах и фантазиях, что сила разочарования раздавила нас... В результате я должна была улететь, а Сердце изранено и истекает кровью.

– В таком случае, почему вы не улетели? – подала голос все та же неугомонная Логика.

– Потому что я – Материнская Душа. И меня на Земле ждут две маленькие, ни в чем не повинные душеньки. Я решила повременить с полетами во сне и наяву.

– Она решила повременить с полетами, – саркастически заметила Логика, явно вызывающе агрессивно. – А как же быть с Сердцем и со всем остальным, извольте ответить, Душечка моя!

Дело запахло керосином, надо было срочно спасать положение, пока Душа с Логикой не вступили в смертельный бой.

– Дамы, дамы, ваши манеры, – подал авторитетный голос Мозг. – Я знаю очень качественное лекарство, которое всем нам поможет, но нам надо запастись терпением. Это проверенное лекарство, прежде всего, дает нам Надежду.

– И что же это за лекарство? Говори быстрее, не тяни, мне уже не терпится проглотить его! – в нетерпении прокричал Желудок.

Остальные молча ждали.

– Это Время, – сказал Мозг. – Время – самый лучший, самый признанный лекарь.

– Вы сказали, что оно нам, прежде всего, дает Надежду. А забегая вперед, так сказать, авансом, можно узнать, что оно нам дает еще? – опять подал голос Желудок, разочарованный несъедобным лекарством.

– Второе, что нам дает это лекарство, – Вера.

– А Любовь оно нам может принести, это лекарство? – спросило ослабленное, но ожившее Надеждой Сердце.

– Опять двадцать пять! – выругался Мозг.

– Но оно ведь женское, – заступились за Сердце в один голос Логика и Душа.

– Непременно, непременно нам Время принесет Любовь, – заверила Душа.

«А с Любовью к нам вернутся наши сладостные поцелуйчики и...» – мечтательно подумало Тело...

Часть I

Семья

Отдаленно, сквозь сон, я слышала непрерывный телефонный звонок. Покормив завтраком и проводив своих: на работу мужа, который по дороге «подбрасывал» дочь и сына в школу, я прилегла и почти засыпала. Но телефонный звонок был очень настойчив, и мне пришлось проснуться окончательно и подойти к телефону. На дисплее светился телефонный номер моей непосредственной начальницы. Ох-о-о! Значит, что-то серьезное. Она обычно звонит, когда в этом есть острая необходимость. Откашлявшись, чтобы голос не казался совсем сонным, я взяла наконец-то трубку.

– Привет, Танюша, – сказала я, предчувствуя не очень приятные неожиданности. – Что-нибудь случилось?

– Алина! – кричала мне в трубку моя начальница. – Дом, в котором ты работала, передали в город, и твою должность, конечно, тоже!

Деликатностью она никогда не отличалась.

– И что мне теперь делать? – Я растерялась. Вот это да! Чего-чего, а такого я не ожидала. И к этому не была готова. – Ты же знаешь, мне нельзя еще увольняться.

– Все вопросы в отдел кадров. В понедельник. – И повесила трубку. Ни здравствуйте тебе, ни до свидания.

Да-а, вот это новость... И как же быть? Уволиться невозможно, даже по сокращению. Меня совершенно не радует, как многих, и денежная компенсация, которая полагается сокращенной. Мне нужна работа, пока не решится мой квартирный вопрос. Новость меня ошеломила. И я, на грани депрессии, почти в панике, тут же позвонила мужу.

– СТОА «Ниссан», – ответила мне в трубку надменный женский голос. В нем было столько одолжения, что я почувствовала себя виноватой лишь потому, что позвонила. И соответственно робко и тихо пробормотала:

– Извините, мне бы Константина к телефону.

Тут надменный голос немного смягчился. Похоже, мой благоверный и ее обаял. Мой муж, где бы ему ни приходилось находиться, всегда пользовался успехом у женской половины населения. Или это у меня паранойя? Неплохо бы пообщаться с психиатром.

– Одну минуточку, – гораздо мягче и не без удовольствия промурлыкал женский голосок. Потом я услышала, как дама нажимала на какие-то кнопки и как по селектору промурлыкала: «Костика к телефону... не знаю... женский голос»... Потом, подняв трубку, промурлыкала мне:

– Подождите, пожалуйста, сейчас подойдет.

Боже, какая метаморфоза! За секунду госпожа надменность превратилась в самую любезность. Какая неведомая сила заставляет многих женщин трепетать перед моим мужем? Или действительно у меня плохо с головой?

Прошло несколько минут, пока мой благоверный подошел к телефону:

– Да, – прозвучал родной до боли бас. – Я вас слушаю.

– Это я, – мой голос, видимо, все еще звучал виновато, потому что муж сходу спросил:

– Что случилось, родная моя? – Я услышала нотки беспокойства. – У тебя все в порядке?

– Представляешь, сейчас звонила техник и сказала, что дом, в котором я убираю, передали в город. Это значит, что меня сокращают. Моей должности уже в системе нет.

– Вот так вот... – протянул муж. Это он от растерянности. Для него тоже новость неожиданная и неприятная. – Ну, ладно, ты сильно не переживай. Не впадай в панику. Я вечером приду, и мы подумаем, как быть дальше. Мы обязательно найдем выход. Отвлекись пока чем-нибудь, родная моя. Я тебя очень люблю.

– Я тебя тоже. Буду ждать вечера, а главное, тебя. Пока.

– Пока. И возьми себя в руки. Обещаешь?

– Обещаю.

Легко, конечно, сказать: успокойся, вечером обсудим...

А как мне пережить день и дожить до вечера? Да если меня уволят – это катастрофа! Как быть с жильем? Как наши дети? У меня мысли разыгрались («мои мысли – мои скакуны»). Я уже представляла, как в нашу и без того маленькую двухкомнатную квартиру придет жить еще одна семья, возможно, с ребенком. И даже не с одним. И будем мы ютиться – в одной квартире две семьи – восемь человек. В каждой комнате по четыре. Кухня маленькая, там будет не повернуться. И придется подстраиваться под соседей. Какие они еще попадутся?!

И в ванную очередь занимай, и в туалет. И в пижаме или в ночной сорочке в коридор не показывайся, неприлично, чужие люди в квартире. Боже, за что мне такое наказание?! А каково детям в такой тесноте?

Ведь у нас уже был опыт совместной жизни с соседями. Пожалуй, очень горький. Поначалу мы жили неплохо, все молодые. У нас была только дочка, когда к нам подселились.

Помню, Ленька, глава соседского семейства, оказался незлобным, общительным. Жалко только, любил выпивать и соответственно не всегда был надежен. А жена его, Саша, на первый взгляд, казалась нелюдистой, хотя при ближайшем знакомстве и она оказалась отзывчивой, доброй. К тому же она, в отличие от меня, была очень хозяйственной: всегда полный порядок в комнате. Она, не ленясь, вовремя стирала, гладила, убирала. Умела вкусно готовить. Из ничего могла за очень короткое время приготовить такое объедение, что я всегда поражалась. Недаром говорят, голь на выдумки хитра. В этом плане я многим премудростям бытовой жизни научилась у нее. И еще Саша умела шить, вязать. Вязанием она занималась как личным бизнесом и на заработки содержала семью. Мы с ними пережили разные перемены в жизни. Поначалу все шло хорошо. Бывали моменты, когда соседке нечем было кормить своего пришедшего с работы мужа. Причины могли быть разные, например, Ленька мог прогулять какое-то время и вовремя не принести зарплату. И соседка просила у меня тарелочку супа или что-нибудь съестное. Это было в порядке вещей.

Или другая подробность. Нашей дочке был год с небольшим, я ждала второго ребенка. Муж зарабатывал не только деньги на содержание семьи, но и на квартиру. Нашел вторую работу. И вот у меня раньше времени начались схватки. Боль адская! Бегу к Саше за помощью. Благо Ленька оказался дома и побежал на улицу вызывать «скорую помощь». У нас тогда телефонов не было. Приезжает «скорая» и забирает меня в больницу в срочном порядке. И что же мне делать? Муж на работе, дочка маленькая... Оставила ее соседке, а Леня едет сопровождать меня до больницы.

Эта история запомнилась мне навсегда. Приезжаем мы в роддом, в приемной, как всегда в то время, много рожениц со своими взволнованными и счастливыми мужьями. И надо же было оказаться среди них моему бывшему сокурснику, который в свое время тщетно ухаживал за мной! Во времена студенчества я была уже замужем, а он женат. Но это не мешало ему приударить за мной. А я тогда была без ума от своего мужа и не поощряла никакие ухаживания знакомых. И самое комичное в этой ситуации, что сокурсник знал моего мужа, видел нас вместе и называл моего мужа счастливым соперником. А тут, представьте себе, приезжаю я, беременная, со мной совершенно другой мужчина! И, поскольку схватки уча-

стились, начинаю требовать и просить, чтобы меня приняли без очереди. И все в приемной косятся на меня крайне недовольно.

Позже, через несколько лет, этот мой студенческий ухажер случайно встретил меня на выставке цветов на ВДНХ и спросил:

– В роддоме разве был твой муж?

– Нет, это был мой сосед, – ответила я. Прямо как в том анекдоте...

Но, к сожалению, в моей соседке Саше наряду с добротой сочетались зависть и злобность.

Через год у соседней родился сын. А еще через год у нас появился второй ребенок – наш желанный сын. Спустя пару лет у соседней родилась дочь. Так семьи наши росли, жилплощади все меньше и меньше становилось на душу населения, а отсюда – неизбежно возникающие, эти противные, унижительные бытовые ссоры из-за пустяков. Затем, постепенно, один пустяк наслаивался на другой, перерастая в большой и практически неразрешимый конфликт. Конфликты учащались, жизнь становилась невыносимой. Я помню, в свои двадцать три года страдала бессонницей из-за бытовых неурядиц и испытывала истинную неприязнь к человеку. Соответственно, к своей соседке. Судьба нас с ней сковала такими жизненными ситуациями, что мы просто не могли сохранить нормальные отношения. Дело доходило даже до рукопашной.

Помню одну очень неприятную сцену. Однажды наши отношения накалились до такой степени, что мне выходить из комнаты стало небезопасным. Потому что соседка моя была воинственно настроена. Она просто ждала удобного момента, чтобы учинить драку, избить меня и таким образом отвести душу. И вот, улучив момент, она на меня напала на кухне: схватила за волосы и стала насильно наклонять голову, приговаривая:

– Поклонись мне, поклонись.

Мне еле удалось вырваться из ее рук. Я была в таком шоке, что не могла говорить. Единственное, что удалось пробормотать:

– Тебе надо лечиться. Мне жаль тебя.

Мне ее действительно было жаль. В этом ее поступке угадывалось столько ущербности, столько беспомощности, безысходности... Как утверждают психоаналитики: «Мы все инвалиды детства».

Если смотреть правде в глаза, я просто физически не смогу причинить боль. При одной мысли об этом у меня колени подгибаются. А этот инцидент с соседкой – это было настоящее скотство, – ее жажда насилия и мой страх перед ним. Не знаю, хорошо это или плохо, но я еще с молоком матери усвоила, что применение силы – это дурно. Если бы я прибегла к ответному насилию, я опустилась бы до ее уровня. Это означало бы, что я больше не верю в силу разума, сострадания и человечности. Я считаю себя человеком нравственным и не стыжусь этого. И не допущу, чтобы она или кто-либо еще сделал из меня безнравственное существо. Вот какие мысли занимали меня в те далекие, молодые времена.

Но, как бы там ни было, этот инцидент был для меня поначалу шоком, а затем, с осознанием всего произошедшего, я пережила такой тяжелый стресс, что недели две не могла есть. Кусок в горло не лез. И спать толком не спала, всю ночь лежала с открытыми глазами в ожидании рассвета.

К сожалению, в нашем обществе есть такая часть населения, я бы сказала – жалкая жертва промежуточного социального слоя, жертва убогого меркантильного мирка. И самое отвратительное в этих людях – злобная всепоглощающая зависть – это опять-таки мои мысли в те времена. В той ситуации я не могла быть объективной к соседке.

Она приехала в Москву, как и все мы, остальные жители нашего дома, из какого-то провинциального городка. Но, в отличие от многих приехавших покорять столицу людей, ни к чему не стремилась. Она не собиралась учиться или заняться чем-то интересным, что-

то освоить, усовершенствоваться. Я таких людей не понимала. Как можно ехать в Москву работать на стройке маляром?! Что, такой работы не найти на месте? И в то время, когда «на дворе стоял мирный и стабильный Советский Союз». Возможно, она переживала, что муж ей попался пьющий, периодически впадающий в такой запой, что неделями мог не появляться дома. И все это усугубляло ее жизнь и удваивало и без того не очень хорошее отношение ко мне, заряженное завистью. Хотя завидовать особенно было нечему. Мы с ней находились в одинаковых условиях. У меня муж точно так же пахал простым рабочим, зарабатывая жилплощадь. Но, конечно, как любящий меня и детей, как хороший семьянин и кормилец семьи приходил вовремя с работы, все свое свободное время отдавал мне и детям. И был очень надежен. Это же нормально, само собой разумеется!

Ненавижу невежество! Невежество моей соседки, собственное невежество, невежество всего мира! Я отношусь к тем людям, которые готовы учиться всю жизнь, чтобы избавиться от невежества.

И ведь для этого не обязательно идти учиться в вуз. Можно заниматься самосовершенствованием, например, постоянно читать. Сколько на свете хороших книг! Читая, получаешь удовольствие и одновременно воспитываешься, растешь и словно разговариваешь с интересным человеком. Скажем, Федор Михайлович Достоевский. Погружаешься в его роман и постоянно чувствуешь глубинную суть автора, его ум, интеллигентность, любовь к жизни. И его высокие моральные принципы.

Да, понятно, что человеком надо оставаться в любых ситуациях. Но мы были совсем молодые, и нам всем казалось, что эта безысходность продлится целую вечность. Еще классик писал, что москвичей испортил квартирный вопрос. И вообще, мы всего лишь люди, со своими слабостями, своими недостатками. До совершенства нам далеко...

Позже мне неоднократно приходилось защищаться от агрессивных нападков соседки. Однажды она меня довела до того, что мне пришлось использовать ее же методы. А как защищаться? Сработал инстинкт самосохранения. Я из кухни несла горячий суп в тарелочке, а она плюнула мне прямо в нее. Обычно я нарочито соблюдала спокойствие, надевала на себя психологически защитный скафандр, чем еще больше ее выводила из себя. Мне такая модель поведения стоила немалых трудов. Но, на этот раз и моему терпению пришел конец, и я надела эту тарелку с горячим супом ей на голову. Через секунду, когда я осознала, **что** совершила, мне стало очень страшно за себя. Вот до чего может довести привычный быт! Хорошо хоть обошлось лишь тарелкой горячего супа, а не поножовщиной. Мой темперамент вполне мог победить разум, и тогда... «безумству храбрых»...

Однако после этого случая соседка поняла, что я не безобидная овечка и со мной опасно связываться. А я, в свою очередь, боялась за себя и стала предпринимать меры: обратилась к участковому с просьбой провести разъяснительные беседы с соседкой...

Впоследствии, когда наши соседи уезжали, соседка вдруг обняла меня, попросила прощения и сказала, что она провоцировала постоянные конфликты, чтобы расшевелить своего мужа. Иначе он бы палец о палец не ударил для получения отдельной квартиры. Очень интересный подход к решению жизненных проблем! Оригинально! Она считала, что все виноваты в том, как она живет, и это давало ей право с чистой совестью заботиться только о самой себе....

Потом еще долго моя соседка приходила ко мне в кошмарных снах. Часто она меня душила. Я просыпалась в холодном поту от нехватки воздуха и долго не могла поверить, что это всего лишь сон. Я даже выходила с опаской на кухню, включала свет по всей квартире, чтобы удостовериться: это мне только приснилось, затем постепенно начинала успокаиваться. Вот до чего может довести, казалось бы, прос той, незамысловатый быт! Мне после этих психологических травм приходилось очень долго приходить в себя. Года два,

наверное, мне потребовалось для нормализации сна. Как известно, время хороший лекарь. Но, это уже, к счастью, история.

Однако по прошествии многих лет нас с соседкой опять столкнула судьба: мой сын захотел идти именно в тот колледж, где учился ее сын. Случись это в те времена, когда мы только разъехались, я на пушечный выстрел бы не подошла к ней. А по истечении многих лет, слава богу, все забылось, все стерлось, обиды прошли, травма зажила, и я не побоялась разузнать у нее подробности. Возможно, ее тоже все эти годы мучила память, и в ответ на мою просьбу рассказать про колледж она откликнулась очень даже благожелательно. Я бы сказала, даже нарочито благожелательно. Она назвала все факультеты, которые могли бы заинтересовать моего сына, и объяснила насчет профессиональной перспективы. Рассказала, как добраться до колледжа быстрее и удобнее, сколько времени тратится на дорогу. Казалось, она обрадовалась возможности как-то наладить наши отношения. Хотя, какие у нас могут быть отношения? Единственное, при встречах волком не смотреть друг на друга, все-таки в одном доме живем.

Правда, добытая мною подробная информация о колледже нам не пригодилась: мой сын в конце концов нашел себе другой путь, больше отвечающий его запросам и соответствующий его амбициям. Он у меня такой, знаете ли... Чтобы поменьше требований от него, но побольше удовлетворения его желаний. И в кого это он, спрашивается?

В земных заботах день, который, я боялась, продлится целый век, пробежал незаметно. Земные заботы – это кормление детей обедом, затем уроки: помогаю их сделать сначала дочке, потом – сыну. Затем все втроем садимся на автобус и едем в музыкальную школу – музицировать на фортепиано, тоже по очереди, потому, что у нас один преподаватель на двоих. К концу занятий за нами заезжает наш папа, и мы все возвращаемся домой на его машине. По дороге играем в «Угадай мелодию». Дети включают «Европа плюс», и папа проигрывает, не может угадать ни одной мелодии. Затем папа включает «Радио ретро», и тут проигрывают дети, аналогично не могут ничего угадать. Дома мы дружно садимся ужинать. После ужина дети идут к себе в комнату – заниматься каждый своим делом, а для меня наступает вечер, когда нам с мужем необходимо обсудить мое возможное увольнение. Хотя – обсуждай, не обсуждай, будет то, что будет. Муж, усталый после рабочего дня и не расположенный к рассмотрению неприятного вопроса, говорит:

– Пока еще ничего неизвестно. Возникнут проблемы, – начнем думать, как их решить. Как говорится, доживем до понедельника. Ты съездишь в отдел кадров, послушаешь, что тебе скажут, может, тебе что-нибудь другое предложат.

– Ну, Костик, что они могут мне еще предложить? Видимо, нет никаких больше свободных вакансий, раз нас сокращают. И вообще мне страшно... Что будет с нами...

– Алиночка, дорогая моя, не стоит так сильно переживать. Я тоже боюсь. Я же обещал тебе что-нибудь обязательно придумать. А сейчас я очень устал, моя дорогая. Пойду спать, утро вечера мудренее. И ты давай долго не задерживайся. Спокойной ночи.

– Я пока спать не хочу. Ты же знаешь, у меня сейчас наступает время для личной жизни. Я займусь чем-нибудь для души.

– А эта твоя личная жизнь не предполагает моего участия? Я в нее не вхожу? – У него глаза стали масляными, и он похотливо посмотрел на меня. И, помедлив, добавил: – Вижу, вижу, ты в расстроенных чувствах. Похоже, даже злишься. Возможно, все из-за меня.

Мне действительно было обидно: ведь я его ждала весь день, чтобы обсудить с ним этот важный для нашей семьи вопрос. Но в то же время я понимала бесполезность такого разговора. Ну, на самом деле, что мы можем сейчас, сидя на кухне, решить? Он же обещал что-нибудь придумать.

А обещания он просто так еще никогда не давал. Значит, будем надеяться на лучшее. Наконец я улыбнулась своим умозаключениям и уже спокойно сказала своему благоверному:

– Спокойной ночи, любовь моя. Иди спать. Я скоро приду.

– Я буду с нетерпением жда-а-ать, – кокетливо протянул он и скрылся за дверью спальни.

Мне лишь в понедельник предстояло ехать в отдел кадров, а сегодня еще четверг. Боже, дай мне сил дожить до понедельника!

Тамара

Четверг, начавшийся со звонка, закончился тоже телефонным звонком. Но, в противовес утреннему, вечерний был немного неожиданным. Но не сам звонок: Тома часто звонила по ночам, уверенная, что я освободилась от семейных забот. Неожиданным было ее предложение, кстати, своевременное и обнадеживающее.

Тома – моя подруга, отдушина в моей полной заботами жизни. Она знала, когда у меня настает время для личной жизни и мы с ней можем обсудить по телефону самые различные темы, от высокого искусства до мексиканских или американских сериалов, типа «Санта-Барбары». Тамара, тоже приехавшая в Москву в целях удовлетворения своих амбиций, окончила престижный институт иностранных языков имени Мориса Тореза. Потом долгое время работала на курсах иностранных языков, которых по Москве было не очень много, и попасть туда и учиться, и работать было сложно, хотя стоили они по тем временам для учащихся недешево. Для нее это оказались хорошие времена, и она иногда, как бабка старая, начинала их занудно вспоминать. В те годы она успела объездить все соцстраны, увидеть многое своими глазами. Затем страна благополучно развалилась, а исторические перемены кардинально изменили ее судьбу. Курсы расформировали, старых сотрудников сократили. На смену пришла продвинутая молодежь, образованная по современным стандартам. И вот Тома в свои сорок лет, женщина с высшим образованием, со знанием нескольких языков, пополнила ряды российских безработных. Идти работать куда-нибудь в госучреждение, где платили гроши, ей не хотелось. А найти престижную работу уже не могла по возрасту. Заниматься частным репетиторством тоже не получалось. У нее была комната в коммуналке, куда приглашать учеников было не совсем удобно. А самой ходить к ним на дом она посчитала унижением. Поскольку Тамара не была обременена семьей, то перебивалась случайными подработками – те же непродолжительные частные уроки, небольшие переводы... В общем, тогда она жила свободно, и мы с ней подолгу болтали по телефону. Мы иногда и встречались. Но я видеться с подругой могла или в будни, в первой половине дня, пока дети были в школе, или в выходные, если муж не работал и оставался с детьми.

Задолго до неожиданного звонка Тамары мы с ней обсуждали нашу любимую телепередачу «Времечко», в частности материал о Святой Матроне, к могиле которой народная тропа не зарастала. Народ приходил что-нибудь попросить. Корреспонденты взяли интервью у одной дамы бальзаковского возраста, которая долго не могла найти себе достойную работу и обратилась за помощью к Святой Матроне. И вот теперь она устроилась на работу, была очень довольна и пришла поблагодарить. Актуальная тема для Тома. И она загорелась тогда и нацелилась найти адрес этого кладбища. С тех пор прошел год без малого. Я даже успела забыть про это. Да и Тома вроде тоже: она работу больше не искала, у нее появились другие планы. И вдруг звонок поздним вечером...

– Привет, мать! У тебя началось время личной жизни?

– Привет, Том! Приятно тебя слышать. Началось!

– Угадай с трех раз, какая у меня новость? – голос был довольный, как у слона. – Хорошая!

– Совратила своего Снеговодина (это ее любимый телеведущий).

– Нет, холодно.

– Встретила Эдриана Пола.

– Я же серьезно, мать!

– Тебе предложили престижную работу.

– Я об этом уже не мечтаю. Короче, не угадаешь ни за что. Я дозвонилась-таки до «Времечка» и добилась адреса Святой Матроны. Помнишь, когда мы смотрели, показывали

кладбище, которое не в Москве? Так ее мощи теперь перевезли сюда! Я думаю, об этом еще немногие знают. Как ты насчет поехать завтра с утра к ней?

Для меня это прозвучало как знамение. Мне в тот момент подумалось: вот кто может мне помочь! Права моя подруга астролог, которая утверждает, что ничего случайного не бывает, все закономерно, согласно звездному расписанию.

А Томку распирало от нетерпения. Мы с ней еще долго говорили о всяких важных и приятных пустяках, настроение было хорошее, в конце разговора договорились о встрече зав трашним утром.

И я, продрогшая (еще бы, два часа просидеть в одной ночной рубашке!), залезла в постель к теплому и мирно спящему мужу и, не без удовольствия согреваясь о живую грелку во весь рост и от надежды на лучшее, провалилась в бессознательное, то есть погрузилась в сладостный сон. «Сон – это жизнь, жизнь – это сон». Помоги мне, Матронушка...

Чудеса, да и только

В те времена каждое утро в нашей семье начиналось одинаково. Я вставала по будильнику и после утреннего омовения готовила завтрак для всего семейства. Когда завтрак был почти готов, будила деток. Пробуждение детей – это особая история в нашей семье. Сначала я бужу сына, потому что он у нас, как папа, жаворонок – с вечера легко засыпает, утром легко встает. Затем мы с ним бежим в ванную на контрастное обливание. Затем, насухо обтерев его, сажаю одеваться и иду будить дочь – нашу принцессу Будур. С ней, конечно, сложнее. Она, как и я – сова, засыпает плохо и просыпается тяжело. С поцелуями, уговорами, с признаниями и клятвами в вечной любви к ней, наконец-то, удается ее разбудить. После контрастного душа, она бодрая – душ весь сон снимает как рукой. Пока мы с дочкой принимаем душ, сын будит отца. После дружного завтрака они шумно и долго собираются под моим чутким руководством – как бы кому чего не забыть! – с прощальными поцелуями уходят. Я, проводив их, обычно заваливалась спать дальше, но сегодня особый день. Мне впервые за свои неполные тридцать предстоит идти в храм. Меня Тома проинструктировала насчет одежды: юбка, платок... Собираясь, я волновалась. Может, потому что все внове.

Не могу описать чувства, которые испытала в храме. К своему стыду могу сказать, что я человек религиозно не грамотный: не знаю ни одной молитвы, религиозных обрядов и праздников. Я – жертва атеистической политики, царившей в стране все мое детство, отрочество и юность. Воспитана в духе марксизма-ленинизма.

В храме, как мы и предполагали, народу было немного. Служитель, молодой парень, увидев нас, почему-то спросил, не к Матроне ли мы идем. Получив утвердительный ответ, он нас направил к ее мощам. Там стояла небольшая очередь, к которой мы присоединились, предварительно купив свечки. Стоя у Матроны, я мысленно произнесла монолог о помощи. Меня в этот момент переполняла уверенность, что все будет хорошо, исчезло вдруг беспокойство по поводу предстоящего увольнения...

Наступил понедельник. И я приехала в отдел кадров. Инспектор отдела, женщина предпенсионного возраста, которая в свое время меня оформляла на работу, показала мне письмо о сокращении моей должности и заявила:

– Очень сожалею, но придется подписать. – И она протянула мне бумагу с описанием условий, согласно которым я могу быть уволена.

Я вздохнула:

– Неужели не найдется никакой работы для меня, Зинаида Петровна?

Ее имя-отчество я запомнила специально: еще Карнеги утверждал: «На любом языке имя человека – самый сладостный и важный для него звук».

Ей, конечно, приятно было услышать свое имя от такой незначительной особы, как я, но, тем не менее, она пожимала плечами, показывая, что помочь ничем мне не может. И в это время вошла другая женщина, как потом выяснилось, начальник отдела кадров. Она только что вернулась с экстренного совещания у руководства, где было принято решение открыть вакансии швейцаров. И она мне предложила:

– Не хотите ли поработать швейцаром в общежитии?

И я, ошеломленная такой неожиданностью, ответила:

– Конечно, хочу. А что это такое и где надо работать?

И начальница мне в подробностях объяснила, что швейцар – это официальное название должности, а по сути – это вахтер в общежитии.

И кто сказал, что чудес на свете не бывает? Просто счастливое стечение обстоятельств, что-то там у них в общежитии случилось и срочно потребовались швейцары. Да, жизнь

состоит из таких вот случайностей. Конечно, жизнь преподносит счастливые случайности, равно как и несчастливые. Но мне везло, у меня в жизни счастливых было больше.

«...Мама, мама, это я дежурю, я дежурный по апрелю»...

*...Неприступен и важен,
Стоит он на страже
Боевым кораблем.
Ничего он не знает
И меня пропускает
Лишь в погоне за длинным рублем.*

Андрей Макаревич

Общежитие, в котором я работала, было своего рода уникальным обиталищем для народа. В моем представлении (есть ведь собственный жизненный опыт!) общежитие – временное пристанище для студентов, где все условия жизни общие. И когда меня направили в общежитие на работу швейцаром (слово-то какое буржуйское!), я была немного в шоке.

И вот я, воображая себя в роли швейцара (стою за громадной стеклянной дверью и важно открываю ее всем), приезжаю в общежитие. Это был с виду обыкновенный, ничем не отличающийся от многих, девятиэтажный панельный дом с одним входом. Проходя через обшарпанные железные двери, я попала в большой вестибюль – очень неудобный, темный, грязный; стены, давно забывшие руки маляров, были местами без краски, оголенные из-за обвалившейся штукатурки. И вообще, создавалось впечатление, что дом нежилой, бесхозный и запущенный, как здания во время войны, покинутые эвакуированными жильцами. Но, тем не менее, это было в преддверии нового миллениума – накануне нового века, и дом этот жил полной жизнью.

Как выяснилось позже, этот дом с коридорной системой типа гостиницы построили в свое время для спортсменов всемирной Олимпиады 1980 года. Затем он по наследству достался лимитчикам, приехавшим тогда из разных концов нашей необъятной страны в Москву в поисках правды жизни. Эта правда значила одно – лишь бы зацепиться в Белокаменной, для начала – даже в такой общаге, а в дальнейшем осмотреться, освоиться и сделать карьеру. Кое-кто стремился выгодно устроить личную жизнь с москвичами ради прописки и жилья.

И все мечтали испытать судьбу, как в лотерее, и непременно выиграть. (Полюбить – так королеву, проиграть – так миллион). И многим, похоже, удавалось претворить мечты в жизнь, потому что, когда я попала в общежитие, дому уже стукнуло двадцать лет и из лимитчиков старожилками остались считанные люди.

В самом начале заселения дома приезжими, как и полагалось в общежитиях, конечно, у входной двери наладили своего рода контрольно-пропускной пункт, почему-то называемый вахтой. Обычно на такую работу нанимались пенсионеры – в основном это были исполнительные, любопытные, вездесущие и очень бдительные одинокие бабульки, которых, как правило, дома никто не ждал. Для них настоящей жизнью становилась работа, где они были полностью востребованы и реализовывались как полноценные представители общества. Народ через этих бабулек проходил, как через сито. По правилам общежития посторонних полагалось пускать до определенного времени, предварительно записав все данные удостоверяющего личность документа. Эти бабульки знали все про всех – кто к кому ходит, зачем и даже чем люди занимаются во время посещений. Со временем жители общежития взрослели, молодежных тусовок (извините за сленг) становилось все меньше и меньше, жильцы обзаводились семьями, рожали детей и необходимость в строгом контроле посетителей и

порядка в общежитии отпадала, и эти вахты за ненадобностью просто-напросто исчезали. Сейчас вход в общежитие был свободным.

Здесь жил разношерстный народ. Помимо старожилов, большая часть населения были беженцами из Баку, оставившими родной город после заварушек 90-х годов прошлого столетия. Еще тут селились командировочные – в основном мужчины из ближних периферийных городов и поселков. Из-за инфляции и безработицы на местах они приезжали в столицу, дабы заработать хоть какие-то деньги, по московским меркам небольшие, а вот на периферии этого хватало, чтобы поднять семью и вырастить детей.

Но за последнее время общежитие заполнили наркоманы. Они устроили тут наркоманский притон. Кроме того, командировочные – вдали от семьи, от детей, и то ли от тоски, то ли от скуки, (после рабочего дня делать нечего), то ли от безысходности, нередко устраивали затяжные пьянки-гулянки с дебошами и прочими выкрутасами. Последствия не заставили себя долго ждать, и во время очередной пьяной тусовки был убит человек. Администрация общежития срочно приняла меры и моментально восстановила вахты. И первооткрывателем этой вахты была я.

Помню свое первое дежурство. Меня посадили в маленькую, узкую, длинную комнатушку со стеклянной лицевой стеной, чтобы я могла беспрепятственно лицезреть всех входящих и выходящих. В этой маленькой комнатке с одним окном стояли стол, стул и кровать, плюс кусочек цивилизации, то бишь телефон. И весь интерьер. Убийственно скромно. И если бы в тот момент мне сказали, что я в этой комнатке проживу целую настоящую жизнь, полную счастливыми и несчастными, очень значимыми для моей судьбы событиями, я бы не поверила ни за что!

До церберских бабулек мне было далеко, как до пика Тянь-Шаня. Чтобы достичь уровня профессионализма тех совковских бабулек на вахте, мне пришлось бы пройти не одну разведшколу и не один десяток лет трудиться по специальности. И то я очень сомневаюсь в своих успехах, потому что по психотипу я – полная противоположность этим развед-бабулькам. Я, вообще, человек, стремящийся во всем к лояльности, к автономии личности (как нас учат умные люди, «каждая личность должна быть автономна»), и превыше всех ценностей ставлю человеческую свободу. И я отлично понимала, что занимаю чужое место, и остро чувствовала боль безысходности. Но что делать! Как говорят мои любимые французы: «Се ля ви!» – такова жизнь. Какие психические метаморфозы происходили в моей брэнной душе, было известно мне одной. Но в этом была жизненно важная необходимость.

Весь первый день я, не знающая вообще никого, как посторонний наблюдатель сидела, только смотрела и пыталась понять, кто же истинный житель общежития, а кто – посторонний. Хотя требовалось, соответственно должности, стоять у дверей, как идиот, и спрашивать у каждого, проживает ли он здесь или нет. К вечеру после ухода коменданта общежития потихонечку стала собираться в холле напротив вахты очень разнообразная молодежь. Ничего страшного, как мне казалось, пока не происходило. Народ толпился сам по себе, а я, вся в напряжении и ожидании чего-то ужасного, одиноко сидела и беспомощно смотрела вокруг. Обстановку разряжали только звонки мужа, который беспокоился за меня и частыми звонками подбадривал, обещая, что подъедет ко мне, как только освободится на работе. Он в тот день был единственной группой поддержки для меня.

Как и обещал, муж подъехал после работы и сходу определил, что эта собравшаяся толпа – наркоманы.

А они жили своей жизнью. И нас в упор не видели. Толпа состояла из множества кучек, некоторые отделялись и выходили на улицу, затем возвращались, некоторые поднимались по лестнице и вскоре спускались. Никто особенно не шумел, все разговаривали вполголоса, стоял такой общий гул. Жильцы, не имеющие к ним отношения, проходили мимо довольно равнодушно. Я свою миссию в этой ситуации представляла весьма туманно. Чтобы разо-

гнать эту толпу, требовалась целая дивизия вооруженных солдат. Что может сделать с такой толпой вахтер в лице одной-единственной женщины, даже с группой поддержки в лице родного мужа?!

А он после тяжелого рабочего дня, усталый, голодный, без необходимых водных процедур, посидел немного в ожидании нападения на родную жену со стороны криминального элемента, потом, не дождавшись сидя, решил подождать лежа – прилег и тут же заснул, даже захрапел. Отличная группа поддержки! Прямо-таки «Альфа», никак не меньше. Через час я мужа разбудила и отправила домой, горячо заверив его, что в случае покушения на мою честь обязательно ему позвоню. Но желающих покуситься на мою честь в тот день, к счастью, не оказалось.

В двенадцатом часу ночи раздался звонок. Это была другая группа поддержки, заочная, вернее, телефонная, моя подруга Тома.

– Привет, мать! Я позвонила тебе домой, а мне сказали, что ты на работе. Поздравляю! Ну, как тебе там?

– Привет! Вот сижу... Пока не знаю, как мне. Тут полно наркоманов в холле, а я закрылась у себя в каморке. И тут еще полно чеченцев.

– Да?! – восхитилась Тамара. – А что они там делают, живут? Чеченцы – это же классный народ! Я их обожаю. – И дальше она произнесла длиннейшую тираду в пользу своего любимого народа и завершила монолог фамилией своего любимого политика, представителя этой национальности.

– Они на него совсем не похожи, – мрачно сказала я. – Даже не подумаешь, что одной национальности. И вообще, ты сравнила! Он же благородных кровей, из княжеской элиты. А это жалкие наркоманы, и я их, честно говоря, боюсь.

– У тебя предвзятое отношение к ним. Еще обзови их лицами кавказской национальности! Ты что, мать, заделалась националисткой? – вознегодовала Тамара.

– Нет, конечно, – вздохнула я. – Я против них ничего не имею. Оставим их в покое. Расскажи лучше, как твои дела. Как твои документы?

Тома у нас решила эмигрировать в Аргентину. Разрешение она уже получила, вот теперь почти год собирала документы на оформление визы.

– Не буду вдаваться в подробности, но тут у меня такая загвоздка... Ты там сядь получше. Мне нужна одна незначительная бумажонка от участкового инспектора милиции. Мало того, что он такой у нас неуловимый Джо, я его неделю ловила. Сегодня наконец я его застала. И ты представляешь? Этот нахал мне недвусмысленно предложил сделать справку за постель! Я от возмущения чуть в обморок не хлопнулась. Завтра пойду к начальнику отделения, пожалуюсь. Мне так паршиво, ты просто представить себе не можешь. Как я устала собирать документы! Замучилась от всего этого. Скорее бы уж все закончилось!

– Во-первых, успокойся, прими за комплимент выходку милиционера. Он хоть и милиционер, но все же мужчина! Во-вторых, что-то мне не нравится это твое «скорее бы». Так не терпится уехать?

– Да дело не в этом! – воскликнула Тома. – Ехать, знаешь, страшно, неизвестность тоже пугает. Но, с другой стороны, наконец-то хочется определиться. Мне ведь надо еще съездить к матери в Казахстан, попрощаться. Когда я ее еще увижу...

– Давай не будем о грустном. Расскажи лучше, как с твоим дела?

– Ма-ать, не спрашивай... – простонала Тамара. – Как я без него буду жить там, не представляю! Я его никогда не забуду. А ему все равно, уезжаю я или нет. Мы с ним наконец-то развелись.

Речь шла про томиного, как она его называет, «бойфренда». Они познакомились года три назад. Он иностранец, афганец. Жениться на ней официально, как он говорил, по-русски, не захотел, они по его настоянию обвенчались в мечети, по мусульманским обычаям. Но

на этом все формальности в их отношениях закончились. Он жил у себя, снимал квартиру, она оставалась у себя. И встречались они как любовники, когда получится. Афганец моложе Тамары лет на пятнадцать. Тома все надеялась, что они когда-нибудь поженятся, но, видимо, ей этого не дожидаться, как она сама считает. И вот, когда она решила уехать из страны навсегда, он стал настаивать на расторжении брака опять в мечети, что это грех – венчанным жить отдельно... В общем, нес всякую чепуху. Восток – дело тонкое, нам не понять.

– Да ладно, хватит прибедняться! – отрезала я. – Найдешь себе там какого-нибудь Пьедро. С твоими-то успехами у мужиков!

Она действительно имела большой успех у мужчин. У нее много было любовников. Даже одновременно несколько. Скорпион по гороскопу, она славилась пылкой и страстной любовницей. Мужчинам такие нравятся.

У нас есть еще одна подруга, Таня, еще со студенческих, даже с абитуриентских времен. Мы познакомились, когда в свое время поступали в МГУ. Но мы с Томой не поступили, впоследствии выбрав другие вузы. А Таня сначала училась на мехмате, затем перевелась на экономический факультет и успешно его закончила.

И у нашей Тани есть анекдот, которым она нас постоянно подкалывает.

Приходит женщина к сексопатологу и говорит:

– Доктор, хочу.

На что доктор отвечает:

– Ну, выходите замуж.

– Я уже замужем.

– Заведите любовника.

– Есть.

– Приобщите к этому делу соседа.

– Уже.

Доктор начинает терять терпение:

– Ну, не знаю, гуляйте направо, налево.

– Да это давно!

Доктор тут выходит из себя и, повышая голос, возмущается:

– Странная вы женщина!

И пациентка охотно подхватывает:

– Вот-вот, доктор! Напишите мне справку, что я странная женщина, а то меня все оскорбляют нехорошим словом.

Согласно этому анекдоту Татьяна нас обзывает странными женщинами. А мы не сердимся. На диагноз не обижаются. А Татьяна у нас астролог, ей видней.

В ту ночь и, вообще, многие последующие мои смены мы с Томой по телефону общались почти до утра. Пока она не уехала в свою Аргентину. Оттуда она мне звонила только один раз, в самом начале. Говорила, что хорошо устроилась, что изучает язык, чтобы найти работу. Встречается опять с каким-то иностранцем, то бишь не аргентинцем и не русским. И потом пропала. Татьяна говорит, или ей очень хорошо, что она про нас забыла, или очень... Будем надеяться, что все у нее хорошо.

Татьяна

*...Сократ спросил молодого человека:
«Куда надо идти за молоком и мукой?»
На что удивленный молодой человек ответил:
«На базар».
Тогда Сократ: «А за добродетелем?» —
И, увидев удивленное лицо молодого человека, сказал: «Иди за
мною, я покажу...»*

С Таней мы познакомились случайно. Это было в первый год моего приезда в Москву. Тогда я еще была абитуриенткой МГУ. Я жила в ФДСе (Филиал Дома Студента при МГУ). И вот, не зная города, после очередного вступительного экзамена решила прогуляться по проспекту. И где-то в магазине, за чем-то в очереди (а длинные очереди, как правило, сблизжают народ) я познакомилась с Татьяной. Она мне тогда показалась страшно умной и даже немного странной. Ну, надо думать, она тогда училась на мехмате. Мы с ней разговорились, нашли общие интересы, она мне очень понравилась, даже было жаль расставаться. Но, ничего не поделаешь, дороги наши на этом разошлись. Мы, пожелав друг другу всего хорошего, расстались.

Затем, осенью того же года, не поступив в университет, я временно устраиваюсь на работу, где мне предоставляют общежитие, и случайно встречаю ее там. Правильно говорят, что мир тесен. И мы подружились. Таня была постарше и стала мне примером для подражания. Многим хорошим во мне – манерами, умением вести себя и преподносить, деталями этикета, мировоззренческими моментами – я обязана ей. Она мне была хорошей подругой и одновременно достойным учителем. Такие люди редко встречаются на жизненном пути, мне просто повезло. В общежитии она оказалась потому, что оставила мехмат. Но впоследствии восстановилась на экономическом факультете и успешно окончила его. (Кто бы сомневался, она же такая умница!).

Но жизнь внесла коррективы в наши судьбы. Позже Татьяна серьезно занялась астрологией, училась в школе Глобы, и теперь у меня есть личный астролог. Она не раз составляла мне в подарок на день рождения соляр, личный астрологический прогноз на один год, за что я ей всегда была благодарна. Я, вообще, люблю, когда мне гадают, а астрология – научное гадание, я считаю. И девяносто процентов того, что она мне расписывала по гороскопу, сбывалось.

Татьяна была виновником нашего знакомства с мужем.

Конечно, случайного. В общежитии я дружила с двумя девочками из Якутии, Аидой и Ритой. И однажды, как обычно бывает у подруг, я за что-то на них обиделась и какое-то время с ними не общалась. Раньше, бывало, я к ним забегала каждый день, а тут принципиально выжидала первого шага с их стороны. Считала, что их двое и им легче идти на компромисс (они жили в одной комнате, а я в другой квартире двумя этажами ниже). Но время шло, а с их стороны не было никаких телодвижений в моем направлении.

И вот однажды – это был праздник 1 мая (Ты что?! Это был великий праздник для Советского народа. «Мир. Труд. Май.» – такие лозунги висели везде по городу). Ко мне зашла Татьяна, поздравить, пообщаться, и предложила подняться к моим подружкам. На правах старшей, как всегда, начала мне советовать: не стоит из-за пустяков терять хороших друзей, это глупо... Она была так убедительна, что мне ничего не оставалось, как принять ее предложение и подняться к девчонкам. К тому же Таня сказала, что у них праздничное застолье и много приглашенных молодых людей.

Стало ясно, что, пока я, обиженная, ходила, дуясь, как индюк, девочки даром времени не теряли и познакомились со многими мальчиками из соседнего общежития. Когда мы к ним поднялись, вечеринка была в самом разгаре. Народу собралось много, преимущественно молодые люди мужского пола. Моему приходу девчонки обрадовались искренне. Стали суетиться, сажать меня за стол, угощать. Народ веселился, как мог. Кто сидел за столом, травил анекдоты, кто танцевал, кто парочкой уединялся в соседних комнатах. Короче, это была настоящая тусовка молодежи начала 80-х. Музыка звучала самая популярная в то время – итальянцы Сан-Ремо, «Арабески», «Отаван» и, конечно, всеми любимый «Бони-М».

Меня на танец пригласил один из молодых людей. Танцуя, спросил, как меня зовут, сам представился. А затем выяснил, сколько мне лет.

Сейчас, с высоты своего возраста, я бы отметила, что спрашивать у дамы, сколько ей лет, не слишком корректно. Но когда тебе всего семнадцать, этот вопрос не имеет никакого значения. А ему, он сказал, двадцать три. Ему хотелось произвести на меня впечатление и подчеркнуть, какой он взрослый. Своей цели они достиг. Мне он действительно показался таким солидным! Не чета моим ровесникам. И держался он несколько развязно, самоуверенно, с некоторым снисхождением ко мне. Вроде сделал одолжение, обратив на меня внимание. Меня его поведение, с одной стороны, немного раздражало, но, с другой, – почему-то казалось лестным. Наверно, потому, что Таня Пунченко смотрела на него с откровенным обожанием (была такая у нас девушка, лет двадцати с хвостиком, и она нам казалась старой невестребованной девой). Потом мой ухажер куда-то исчез, а через некоторое время подошла Пунченко и сладко-певучим голосом, в котором звучала черная зависть, пробубнила, что меня ждут в соседней комнате. Я пошла туда и увидела, что мой ухажер вальяжно, как кот мартовский, развалился в постели. И, улыбаясь, пригласил: «Иди ко мне, моя сладкая». Меня от такого хамства чуть не стошнило! Я возмутилась до глубины души и, оскорбленная, немедленно ретировалась.

Вернувшись к себе, я увидела моих друзей с другого конца города. Позвонить они мне не могли: телефонов тогда ни у кого из нас не было. Я жила в Ясенева, а друзья приехали из Медведково и приглашали меня поехать погулять с ними в Парк культуры. Но я, подавленная, не хотела никуда ехать. И осталась одна в квартире, все где-то гуляя.

Под вечер, немного успокоившись, поскучав в одиночестве, я решила опять подняться к девочкам. Там народ уже разошелся, мои девочки полупьяные тоже разбрелись. И мне ничего не оставалось, как вернуться к себе. Я вышла из квартиры и вызвала лифт. И вдруг из той же квартиры появился мой недавний ухажер. И мило улыбнулся:

– Можно с вами на лифте спуститься?

– Пожалуйста, – великодушно разрешила я.

От его бывшего хамства не осталось и следа. Он тогда был пьян, а теперь выглядел свеженьким, как огурчик, видимо, где-то отоспался. И куда пропала его вальяжность, развязность? И уже не казался таким взрослым. Пожалуй, появилась даже застенчивость. И почему-то очень располагал к себе, внушал доверие. В лифте мы ехали не долго, еще бы, спуститься на два этажа! Но за это время я, вдруг осмелев, предложила ему:

– Может, зайдете ко мне на чашку кофе?

И сама себе удивилась: я редко общалась с юношами, была девушкой очень скромной, стеснительной, в некоторой степени даже забитой комплексами.

Хотя Аида и Рита меня морально поднатаскали в этом отношении. Они обе были скоропелками, для них опыт первых любовных свиданий, первых поцелуев остался в прошлом. И меня, всю в мечтах и грезах о неземной любви, о принце на белом коне, который будет моим первым мужчиной и обязательно на мне женится, они не понимали. И вообще, они меня считали, говоря языком моих детей-подростков, безнадежным тормозом. Конечно, мне об этом не говорили: побаивались. Я выросла правильной донельзя и всех доставала своей

праведностью. Я четко знала, что хорошо, а что плохо. И была в своих высказываниях всегда безапелляционна. Я даже, не стесняясь, могла выказать свое презрение по поводу их опыта первого любовного свидания и первых поцелуев, которые не увенчались счастливым браком. Я считала это сверхлегкомыслием. Но, несмотря на это, они часто рассказывали не без удовольствия о своих любовных похождениях и тем самым, сами того не осознавая, незаметно вносили коррективы в мою психику.

Но особую роль в воспитании и становлении моей личности сыграла, конечно, Таня. Она ненавязчиво, мягко старалась сгладить все мои угловатости, всегда так дипломатично, безболезненно указывала на мои ошибки, что мне не оставалось выбора, как признать их и постараться исправить. Образованная, деликатная, она была для меня неоспоримым авторитетом. Ученицей я была, надо сказать, очень старательной. Как губка, все впитывала в себя, анализировала и делала выводы. И к тому времени, когда я впервые пригласила к себе молодого человека, я уже была немного другой.

В тот день у нас в квартире никого не было до утра. Мы с моим новым знакомым очень долго мирно беседовали. Рассказывали друг другу о себе, о своей жизни, о родителях, братьях, сестрах, о друзьях... Чем больше я о нем узнавала, тем больше он мне нравился. И чувствовала, как я ему тоже нравлюсь. Я впервые почувствовала свою власть над мужчиной. И мы стали целоваться... Почему-то в тот момент, я не думала, женится он на мне или нет. Мне было просто с ним хорошо. Поцелуи вызывали во мне противоречивые чувства. С одной стороны, они мне нравились новизной и неизведанностью. И мне стало еще лучше. Но, с другой стороны, меня не покидала мысль о том, как это негигиенично. Но, в конце концов, природа взяла свое, и мы с ним процеловались почти всю ночь. Под утро я его проводила и, счастливая, легла спать.

На другой день я помчалась рассказывать об этом великом событии Татьяне. И вдруг... Слова Татьяны прозвучали громом среди ясного неба. Оказывается, мой ухажер считался бойфрендом моей подруги Аиды. Мне стало не по себе. И я сразу бросилась к своим подругам. А войдя, сходу запричитала:

– Аидочка, милая, прости меня, если сможешь! Но я же не знала, честное слово!

Они, конечно, ничего не поняли и стали меня расспрашивать. Когда я призналась в своем грехе, неожиданно начали громко и весело смеяться. И Аида, обращаясь к Рите, взмахнула руками:

– Не может быть! Неужели это произошло с ней? Может, она решила нас разыграть? – Они опять весело рассмеялись, и Аида повернулась ко мне:

– Можешь не извиняться. Мы с ним уже расстались, не сошлись характерами. У меня теперь другой. Ты лучше расскажи, как это с тобой случилось? Мы что-то упустили? Такая метаморфоза! И когда ты только успела измениться? Вы только целовались или... А тебе понравилось?

После того вечера мы с моим ухажером всегда вместе вот уже более двадцати лет...

Ревность

Что держит людей друг подле друга? Вопрос, конечно, риторический. Любовь? «Любовь бывает долгою, а жизнь еще длинней...». Ревность? Преданность? Привычка?

Что такое ревность? По Далю: «Ревность – это слепая и страстная недоверчивость, мучительное сомнение в чьей-нибудь любви или верности».

А в народе говорят, что ревность – попутчица любви. Она садится в поезд одновременно с любовью, но не всегда выходит с нею на одной станции. Часто бывает, что любовь на одной из станций сошла с поезда, а ревность осталась с тобою до конца пути.

Ревность, пожалуй, зародилась во мне параллельно любви. Еще будучи женихом и невестой, мы с Костей встречались очень часто. Иногда оставались вместе сутки напролет. Вечерами всегда стремились к друг другу. Мои подруги и его друзья составляли нам большую компанию. Собирались где-нибудь: в комнате общежития у мальчиков, на улице, на волейбольной или детской площадке. Мальчики нам играли на гитаре, и мы все вместе пели. Спиртными напитками особенно не увлекались, у нас были другие интересы. У нас с моим женихом с каждой встречей зарождалось то большое и светлое, о котором некоторым только помечтать. С каждым днем мы все сильнее привязывались друг к другу, что порой никак не могли расстаться даже ненадолго. После наших вечерних прогулок допоздна я порой шла к нему ночевать. Для этого ему приходилось просить ребят освободить комнату на ночь.

В молодежном общежитии это явление было не редкостью, так что угрызениями совести мы не мучились. Эти ночи нам казались сказочными. Мы могли проболтать всю ночь ни о чем, целовались до умопомрачения. Но дальше поцелуев у нас не шло. Это все моя закомплексованность, наверно.

Однажды вечером получилось так, что я с подругами осталась в комнате с другими мальчишками, мы играли то ли в карты, то ли во что-то еще, не помню. А мой жених с другими своими друзьями увлекся волейболом на улице. Стоял теплый летний вечер, окно было открыто нараспашку, и через окно мы с ним обменивались воздушными поцелуями. Потом я увлеклась игрой и не заметила, как наступила темень. Наши волейболисты вернулись домой, но моего возлюбленного среди них не было. Я стала спрашивать ребят, где же Костя. Они удивились: вроде бы он тоже шел вместе с ними. И пошли его искать. И мы с подругами тоже. Только найти его мы не сумели, хотя обошли все места, где предположительно он мог быть. Было уже очень поздно. И нам, озадаченным и недоумевающим, ничего не оставалось, как вернуться к себе домой.

Я в ту ночь глаз не сомкнула. Не могу описать, что я испытывала: скорее всего, новое для меня чувство оскорбленного самолюбия, смешанное с тревогой. Я еле дождалась наступления утра. Мне казалось, что с рассветом мой Костик появится и все станет на свои места. Но его не было. Тут я не выдержала и побежала к нему. Я в мыслях подготовилась к самому худшему: прихожу, а там ребята сидят над телом моего любимого... Да, на воображение мне не приходится жаловаться. Но в действительности оказалось, что он банально загулял. Я его увидела живого и здорового, развернулась и собралась уйти, но он побежал за мной, схватил меня и начал объяснять, оправдываться и убеждать, что нет причин на него обижаться.

По соседству с нами жили две девочки-молдаваночки. Одна из них была смазливенькая, а другая – почти дурнушка. Так вот эти две вечно ошивались во дворе в поисках любви. Со смазливенькой, звали ее Яной, переспали почти все наши мальчики. Она сама как-то нам, девочкам, рассказывала и этим гордилась. Кто знает, может, просто рисовалась. При мальчишках она менялась: млела, делала какие-то немислимые ужимки, беспричинно начинала смеяться... Мы с подругами ее не любили. В тот злополучный вечер эти молдаванки привычно вышли на улицу и подцепили моего бесхозного в тот момент жениха. Он оправдывался, что

соблазнили его посылкой из дома со всякими домашними вкусностями. Он зашел, видите ли, только чайку попить с домашним вареньем из солнечной Молдавии, но засиделся, а когда стал выходить, оказалось, что подъезд вахтеры уже закрыли.

– Дорогая, это не то, что ты думаешь... – твердил он. – Я только тебя люблю, ты должна мне верить, у нас ничего не было, мы всю ночь просидели на кухне за столом...

Не знаю, почему я его тогда простила. Мне казалось, он был так убедителен. А может, я просто хотела поверить в его верность. А может, уже успела полюбить...

После этого случая однажды у них в общежитии произошла грандиозная драка. И моего избранника как одного из лидеров и зачинщика драки отправили домой. Он в то время проходил дипломную практику от училища. После 8 класса не пожелавший дальше учиться в школе, Костик решил получить полное среднее образование в нефтяном училище, а заодно получить и профессию прибориста. Хотя училище находилось в одной из союзных республик, на дипломную практику студентов направили на шинный завод Москвы. Уезжая, он обещал, что обязательно вернется за мной.

Прошло две недели. Поначалу я не находила себе места. Вечерами с подругами мы сидели дома, они из-за солидарности со мной. Тоска была невыносимая, беспросветная. Время остановилось для меня. Подруги даже плакали вместе со мной, очень меня жалели. Но постепенно я стала привыкать жить без него. Его друзья часто заходили к нам, и мы с девочками по-прежнему ходили к ним в гости. Рита встречалась с закадычным другом моего жениха, а Аида была непостоянна в выборе бойфренда, никак не могла определиться.

Через две недели неожиданно, без всяких вестей, ко мне вернулась моя любовь. Съездив в училище, он на уровне администрации решил все проблемы, получил разрешение на продолжение практики и приехал обратно. От счастья я была на седьмом небе. Я любила и любима! Что еще нужно для счастья женщине, пусть даже очень молоденькой, семнадцатилетней? И наша любовь увенчалась свадьбой. Выходя замуж несовершеннолетней, я мало что осознавала. Я была в глубоком опьянении любовью и жила бессознательно. Пожалуй, прав был старина Фрейд, когда утверждал, что человек только десять процентов жизни проживает осознанно, а остальные девяносто процентов уходят в бессознательное.

К сожалению, параллельно с любовью пришла и ревность. Она развивалась и быстро росла. После случая с Яной я по любому поводу устраивала сцену ревности своему мужу и всегда обязательно ее вспоминала.

И вот, спустя два года, однажды у нас с мужем состоялся доверительный разговор в спокойной обстановке насчет ревности, отношений женщин и мужчин. И не знаю почему, муж мой так расслабился, вспомнил тот случай двухлетней давности с Яной, начал откровенный рассказ. Поначалу его соблазнили именно посылкой из дома, но потом события развернулись совсем по-другому, нежели он мне тогда рассказывал. У ревнивых людей очень развито шестое чувство. И я все это время подозревала, что было все не так, как меня убеждал мой благоверный. Эти две молдаванки просто заперли его у себя в комнате и не выпускали. Сначала он лег с Яной. Они занимались любовью прямо при соседке. Потом Яна ушла в ванную, а ее подруга прилегла к нему в постель.

Слышать это не было сил. Пораженная и шокированная, я замкнулась. Мне стало очень плохо и больно. Прощения он у меня никогда не просил. И на этот раз тоже. Его разд ражала моя ревность, и он говорил, что я заиклена на этом, что это история двухлетней давности и пора ее забыть...

Ну, почему я не ушла от него тогда? Может, потому что любила... Интересно, что он меня тоже ревновал, не переставал боготворить, любил меня. Я была в том уверена. Но почему же он тогда поступал со мной таким варварским образом? И это, оказывается, были только цветочки, ягодки меня ждали впереди.

В начале нашей семейной жизни, не имея собственного жилья, мы снимали комнату у одной бабушки. У нее была трехкомнатная квартира. Она жила с внучкой от дочери. А дочь, отсидевшая за что-то в тюрьме, иногда появлялась в квартире на неопределенное время. И когда она появлялась, мой муж с ней мог просидеть на кухне допоздна за игрой в карты. Я в эту компанию не вписывалась никак. Во-первых, не выносила открытого грубого мата из уст этой женщины. Во-вторых, она на меня действовала подавляюще, и я старалась с ней пореже общаться. А муж чувствовал себя, как в малиннике, хотя он вообще-то не любил грубых женщин. Она была старше нас на добрых десять-пятнадцать лет, но это не мешало моему мужу делать ей комплименты, флиртовать с ней и весело проводить с ней время. В такие ночи я лежала без сна, глубоко несчастная, чувствуя себя покинутой и одинокой. Я время от времени выходила на кухню под каким-нибудь предлогом и напоминала мужу о позднем времени и о том, что ему завтра на работу. Идти на открытый конфликт при этой мерзкой женщине мне казалось унижением. Но однажды, дождавшись под утро мужа, я закатила ему скандал. И тогда он меня избил... В нем полыхала настоящая ненависть, жестокость. Он защищал таким образом свою свободу.

– Занудина! Ты меня достала своей глупой ревностью! Ну, что произошло?! Подумаешь, поиграл в карты с соседкой! Хочешь из меня сделать подкаблучника? Ну, чего тебе не хватает? Ведь я же люблю тебя, ведь я с тобой...

И на этот раз не последовали с его стороны извинения, наоборот, я была во всем виновата.

– У тебя нездоровые мысли, воспаленное воображение. Тебе надо лечиться, а не пить у меня кровь.

Ну, почему я тогда не положила конец нашей связи? Боялась остаться одна? Да нет, я этого никогда не боялась, но почему же позволила над собой издеваться? А может, я на самом деле больная, все преувеличиваю, накручиваю? Может, на самом деле ничего особенного не происходит, это все мне кажется, это плоды моего больного воображения? Господи, как же мне разобраться в себе? Не сходить ли к психиатру? Не знаю... Но на этот раз опять все так и осталось... И это был далеко не последний случай.

...Моя семейная жизнь и дальше протекала на фоне постоянной и мучительной ревности. Несмотря на это, я была счастлива с мужем. Обоюднo ревнуя друг друга (кто больше, кто меньше), мы не могли жить друг без друга. Бывало, он меня с маленькими детьми на все лето отправлял в деревню к родителям. Ну, понятно, свежий воздух, витаминчики в виде свежих фруктов, которых в деревне в изобилии... Но его терпения хватало ровно на неделю. Через неделю он меня начинал атаковать ежедневными междугородными звонками, хотя это было недешевым удовольствием. Его голос переполняли нежность и любовь ко мне. А еще ревность... И, в конце концов, мне приходилось недельки через три возвращаться в Москву.

Наши встречи всегда были такими бурными. Влюбчивая по натуре, я вновь по уши влюблялась в собственного мужа, причем, прямо в аэропорту, не сходя с трапа самолета. Мне, только что вернувшейся из провинции, он казался столичным франтом, очень значительным. И я тихо гордилась, что он мой муж. Он для такого случая наряжался, как на свидание, приезжал всегда с цветами и светился от счастья. И мы в очередной раз переживали сладостный медовый месяц. Встречая меня в очередной раз, он всегда говорил:

– Какой же я идиот, что позволил вам уехать так надолго! Я тут чуть с ума не сошел без вас. Жить без вас не могу! Я теперь только понял, как я тебя сильно люблю. В следующий раз поедem только вместе.

И в такие минут ревность переставала душить меня. Эти счастливые дни перечеркивали все плохое в нашей семейной жизни.

Родственники

Второе негативное явление в нашей семье – это многочисленные родственники мужа. Возможно, это еще одна форма проявления моей ревности. Во всяком случае, так утверждает мой муж. А у него самого, по моему мнению, очень сильно развиты родственные чувства. Причем не так было бы обидно, если бы дело касалось именно родственников, хотя бы троюродных братьев и сестер.

С самого начала нашей совместной жизни к нам, в частности, к мужу стала приезжать родня. Муж у меня из сельской местности, а точнее, из колхоза. Там все знают его родителей, братьев, сестер. А братьев и сестер у него много. И получается такая милая картина. Первыми нашими гостями были мужчина средних лет, колхозный учитель, уважаемый человек. Он привез своего племянника с женой, молодую пару. У молодой жены племянника уважаемого колхозного учителя были проблемы чисто женского характера, которые, как они полагали, лучше решать со столичными светилами медицины.

Ну, что ж, вполне логично. Тем более в Москве живет сын уважаемого земляка (земляк – это отец моего мужа), который не откажет в гостеприимстве своему бывшему учителю. Какое там откажет! Ему, уважаемому учителю, и в голову не могла прийти такая мысль. Нам, то есть его бывшему ученику и его жене, просто выпало счастье принять у себя такого дорогого, уважаемого гостя, даже с комплектом его родственников.

А мы тогда снимали одну комнату в двухкомнатной квартире. И жили в квартире вместе с ее хозяйкой. В маленькой комнате порядка двенадцати метров у нас стояли полуторная кровать, стол, стул и маленький черно-белый телевизор на тумбочке. Только телевизор был нашим собственным, его мы купили на сэкономленные деньги. И вот сюда приехали родственники... И не на одну ночь.

О, надо иметь богатое воображение, чтобы представить себе полную картину нашей действительности. Не говоря о страшной тесноте, я мучилась моральной стороной вопроса. Во-первых, неудобно и стыдно было перед хозяйкой квартиры за этот цыганский табор. Во-вторых, меня просто бесило отношение моего мужа к данной ситуации. Он приносил меня в жертву, лишь бы угодить своим уважаемым землякам. Ведь я должна была показать себя еще с лучшей стороны, как хозяйка и как кухарка: вкусно и разнообразно готовить, сообразить, как всем удобно постелить и обязательно всегда быть в хорошем настроении.

– Потерпи, моя дорогая. Он ведь мой учитель, учил всех моих братьев и сестер. И к тому же отец ему дал мой адрес. Это, считай, просьба отца. Да и вообще, ко мне приехали, как к человеку, и я должен принять их, как человек.

«Какой же он у меня благородный!» – думала я в тот момент, испытывая смешанные чувства недовольства и одновременно гордости за мужа.

Затем, спустя неполный месяц после учителя, приехали другие гости. Не менее дорогие, не менее уважаемые. Их было двое – муж с женой, люди среднего возраста. Родственники мужа сестры моего мужа. У них тоже была проблема со здоровьем. Они тоже решили обратиться за помощью к столичным светилам медицины, благо она в Союзе бесплатная. Тем более, что в Москве есть, у кого остановиться. Для них тоже мы должны были создать максимально удобные условия. Не дай бог, обидим. Мы им уступали свою кровать, а сами устраивались на ночь на полу. Половая жизнь, в прямом смысле этой фразы. Гостила родня, как правило, минимум три недели.

Следующие гости – двоюродная сестра моего мужа по материнской линии, с которой они в детстве были очень дружны. Она приехала с мужем и с другом мужа. Хотели покупать машину – ГАЗ-24. По тем временам, – шикарная машина – самая лучшая, самая дорогая. Мне с ними, кроме всего прочего, приходилось мотаться по Москве, по достопримечатель-

ным местам столицы. Затем мы с мужем возили их на «Южный берег» – единственный на то время авторынок. Покупка машины продлилась чуть ли не на месяц. Но, несмотря на это, они были, пожалуй, приятными гостями. Может, потому что действительно родные люди, а может, я уже стала привыкать к постоянным гостям. Во всяком случае, когда хозяйка квартиры стала возмущаться по поводу приезжих, я приняла почему-то сторону гостей.

Странная структура человеческой души. Непонятная. Как разобраться в себе, в своей душе? Какие еще душевные повороты меня ждут впереди, в будущем?

Это будущее вызывало в моей душе протест вообще против каких-либо гостей.

Теперь у нас с мужем начались конфликты из-за его родни. Гости были частыми – и конфликты у нас тоже нередкими. Мы несколько раз переезжали. У нас родились дети, но, несмотря ни на что, ни на какие перемены в нашей жизни, неизменными и постоянными оставались гости, причем, в основном – родственники мужа.

Они приезжали к нам на лечение, проездом в курортные города и обязательно на обратном пути, приезжали поступать в институт, устраиваться на работу, в конце концов, просто погостить у нас и погулять по Москве.

Один пример мне запомнился надолго. Тогда мы жили уже в отдельной квартире, соседи только что переселились. Я в то время еще не работала, воспитывала маленьких детей, а муж работал в охранном бизнесе: сутки через трое. Дело было летом. Приехали к нам муж с женой. Они наладили свой бизнес, который я в шутку назвала «зеленым», потому что они торговали зеленью – укропом, петрушкой, луком. Они зелень привозили большими мешками на самолете. Затем эти мешки разгружали у нас в квартире. Из больших пучков они, приобщая наших детей, делали маленькие пучочки для продажи. Вся квартира оказалась в зелени. В ванную просто не войти, не говоря уж об использовании ее по назначению. Моему возмущению не было предела. А он, как всегда, в своем репертуаре:

– Дорогая, потерпи, пожалуйста. Это же мои родственники.

– Они тебе не родственники, ты их даже не знаешь! – закричала я. – Ну, сколько можно терпеть это безобразие?! Смотри, во что они превратили нашу квартиру! Я больше не могу, я их сейчас же выставлю! Мне наплевать, что подумают твои земляки!

– Любимая, наберись, пожалуйста, терпения, – убеждал муж. – Это родственники моего одноклассника. Мы с ним хорошими друзьями были. Он дал им мой адрес, он полагается на меня. Я сам с ними поговорю. Они скоро уедут. Потерпи еще немного, пожалуйста. Они же нам объяснили, что у них тяжелая, безвыходная ситуация.

Я нервничала, редела горькими слезами от безысходности, но поделать ничего не могла. И конца моим мучениям не предвиделось. Они прекрасно устроились у нас, жена продавала зелень, а муж летал за очередной партией. Однажды я по каким-то делам на полдня уехала, возвращаясь, иду к дому от остановки и возле ближайшего магазина вижу мужа, торгующего зеленью. Это он вернулся после дежурства и вместо того, чтобы спать, чужую зелень продает! Меня от возмущения затрясло. Ну, что это такое? Как можно назвать его поступок? Как охарактеризовать такое отношение, прежде всего, к себе, а потом к жене и к детям? Я подошла к нему вплотную и крикнула:

– А что это значит?!

Он, видно, не ожидал меня увидеть и очень растерялся.

Кроме того, я уловила особое выражение виноватости в его взгляде. Он вел себя, как загнанный в угол зверь. И пролепетал:

– Понимаешь, дорогая, она не может больше торговать... Ее милиция засекала, у нее же нет московской прописки. Вот она попросила меня помочь ей...

Тут меня пронзила очень неприятная мысль, я остро испытала одновременно укол ревности и чувство глубокой брезгливости. Меня еще больше затрясло. Я уже не отдавала

отчета своим поступкам, меня захлестывали негативные эмоции, вырываясь наружу. Это была точка кипения.

– Что значит – «она попросила»?! И сколько раз она успела тебя «попросить», что ты даже после ночной смены побежал выполнять ее просьбу?! Я сейчас же пойду и выставлю ее! И не смей меня останавливать! Иначе между нами все кончено!

– Ты опять за свое, – начал он угрожающе, но в следующую минуту, увидев мое перекошенное от гнева и ревности лицо, смягчил тон. – Ты неправильно поняла меня. Я тебе сейчас все объясню, дорогая. Это не то, что ты думаешь...

Оправдания его были для меня слабым препятствием. Я в бешенстве побежала домой. Меня била мелкая дрожь, даже немного поташнивало. Подойдя к входной двери в квартиру, я от напряжения долго не могла попасть ключом в замочную скважину. Руки тряслись от волнения так, что мне пришлось одной рукой придерживать другую.

С трудом открыв дверь, я вошла и увидела такую картину: эта госпожа вальяжно разлеглась у нас в спальне на диване и смотрит телевизор. Почему-то она, видимо, тоже не ожидала моего скорейшего возвращения и вскочила в растерянности.

Разве они оба решили, что я исчезла из их жизни навсегда? Ну, извините меня, что разочаровала.

От ее наглости я потеряла дар речи, молча выставила ее чемоданы на лестничную площадку и указала ей на дверь. Она в оправдание что-то лепетала, но я была не в том состоянии, чтобы выслушивать.

Даже в самых критических ситуациях я остаюсь вежливой. Такое уж воспитание, или, скажем так, его издержки. Видимо, мы с мужем стоим друг друга. Будь я не столь деликатна, может, и не пришлось бы столько страдать в жизни. А муж страдает еще и мягкотелостью, не может отказать людям. Но это почему-то распространяется только на чужих людей. Мне и детям он говорит свое твердое «нет».

Видимо, так уж устроены многие. Мы можем запросто обидеть самых близких и дорогих нам людей, ни на секунду не задумываясь. Это испытание Господне. И как это мы до сих пор не развелись с мужем! Было время, когда я находилась в постоянном раздражении. Меня особенно бесило отношение мужа к гостям. Я в этом усматривала предательство по отношению к семье. Он жертвовал удобствами детей ради своих гостей, стараясь создавать максимум условий им. Не дай бог, обидятся, не дай бог, приедут на Родину и плохо будут о нем отзываться. Он должен быть хорошим для них сам, у него жена должна быть хорошая, и дети под стать родителям. Меня же преследовало чувство обманутости. Я была вечно недовольна, вечно выказывала недовольство мужу. Отношения наши, конечно, от этого не выигрывали.

Но жизнь на месте не стоит. Пришли великие перемены в нашей стране, которые внесли коррективы и в нашу семью. Великая страна развалилась, бывшие союзные республики отделились от России. Даже денежные отношения поменялись, теперь у каждой страны была своя валюта. Может, для кого-то такие перемены были разрушительными, но только не для меня. Для меня и по большому счету для нашей семьи эти события послужили спасением. Приезд наших дорогих, уважаемых родственников прекратился, как по дуновению магического ветра. Теперь поездки стали проблематичными, практически невозможными. Во-первых, дорога подорожала, поскольку уже считалась международным сообщением или рейсом. Во-вторых, в Москве теперь был строгий контроль над регистрацией. Приезжих на каждом шагу мог остановить любой представитель власти и проверить наличие регистрации. За неимением таковой приезжий мог быть оштрафован на месте или препровожден в отделение милиции. А там, как показывает жизненная практика, приезжим приходится откупаться за большую сумму денег, нежели по обоюдной договоренности на месте. Но все же

изредка приезжали самые отчаянные. Это в основном были представители малого бизнеса, а точнее, челночники.

Во время одного приезда таких гостей я работала уже в общежитии. Приехали к нам две женщины. Опять жены каких-то родственников мужа, седьмая вода на киселе. Но теперь гости и шагу не могли ступить, чтобы не быть оштрафованными или отправленными в отделение милиции. А дела дома не делаются. Так вот, мой муж, бросив работу, должен был возить их на своей машине. Мало того, что они у нас жили...

– Почему ты ради них должен бросать работу, которая кормит нас, и бежать устраивать их дела?! – возмущалась в очередной раз я. – Если не могут ездить на общественном транспорте, пусть берут такси! У них бизнес, они зарабатывают немалые деньги! И копят на очередную машину.

Муж и сам все понимал, но почему-то мне врал, что поедет на работу, а сам снова возил приезжих. Поездки, конечно, отражались на его деньгах. Он их приносил до смешного мало или вообще не приносил. Откуда возьмутся деньги, если ты их не заработал? И нам в очередной раз приходилось влезать в долги.

И это лишь верхушка айсберга. Наши с мужем нелегкие отношения отягощались еще параллельно моей параноидальной ревностью.

Рождение феминистки

Однажды в нашей семейной жизни произошел очень значимый для меня случай, положивший начало нового моего отношения к мужу. В тот вечер к нам пришел общий наш друг, так называемый друг семьи и в некотором смысле наш спонсор. Это был молодой человек, неженатый и состоятельный. Иногда он приходил к нам, приглашал в ресторан, помогал продуктами, покупал нашим детям мелкие подарки... И в тот раз он завалился к нам неожиданно, с гостинцами, щедрыми угощениями, с выпивкой. Мы все изрядно выпили, и нас, конечно, потянуло на продолжение банкета, на «вино и зрелища». Наш щедрый друг пригласил нас в кафе на всю ночь. Но ему этого было недостаточно, он захотел распространить свою щедрость и на наших друзей. И предложил ехать к нашим друзьям, с которыми он познакомился на очередной из наших совместных вечеринок. Мы, недолго думая, берем такси, едем к ним, уговариваем их, берем вместе с детьми и приезжаем к нам домой. Дома мы оставляем всех детей, назначаем нашу старшую дочь ответственной за младших и едем в ночное кафе.

Вначале все шло хорошо, нам было весело. Дамам заказали вино, мужчинам – водку. Мы часто танцевали всей компанией. Иногда наши мужчины оставляли женщин одних и отходили поиграть в бильярд. В кафе, как во многих таких заведениях, резвились проститутки. И вот, в очередной раз возвращаясь из бильярдного зала, мой муж решил составить компанию грязно танцующим проституткам. Потом вообще увлекся ими, перестал с нами танцевать, все чаще уходил к ним...

Не могу описать, какое унижение испытала я в тот момент. Я была истоптана морально. Ну почему опять это происходит со мной?! Почему у наших друзей нет таких проблем? Друг наш, в отличие от моего мужа, не отходил от своей жены. Я старалась, как всегда, выйти из этой ситуации с достоинством. Чтобы спасти положение, мне приходилось изображать из себя веселую, беззаботную женщину. Как будто ничего особенного не происходит. Но это получалось у меня из рук вон плохо. И моему терпению, видимо, пришел в тот момент конец. Не знаю, что дальше произошло. Последнее, что помню: в одиннадцать часов муж попросил телефон у администратора кафе, мы поговорили с детьми, убедились, что у них все нормально и они укладываются спать. Все. Дальше у меня провал в памяти. Не знаю, чем это объяснить. То ли убедившись, что дома все в порядке, я просто расслабилась, то ли я перепила, то ли мне в спиртное было что-то подмешано... Мне одна знакомая говорила, что в ресторанах и кафе такие вещи практикуются официантами в отношении тех, кто заказывает и платит. А в тот вечер деньги были у меня, наш спонсор мне их доверил.

В результате я проснулась на следующий день в спальне, в ногах у детей на диване, почти в полдень. На мне вечернее платье, вся в золоте и в бриллиантах, и что самое забавное, в темных солнцезащитных очках. Я подошла к зеркалу и поразилась. Правый глаз у меня опухший, весь в кровоподтеках. Боже, как мне плохо! Я в изнеможении упала на стул, стараясь вспомнить, что со мной могло случиться. И все тщетно. Что у меня происходило на душе, просто не описать. В первую очередь, это был страх, охвативший меня от неизвестности. Дети сладко спали, несмотря на позднее время. В квартире стояла тишина. Мне даже страшно было выйти из спальни. Но я тихонечко открыла дверь и выползла в прихожую. Похоже, в квартире никого нет. Где же все? Где наши друзья, где их дети? Где наш друг спонсор? С каждым движением я ощущала боль во всем теле, будто по мне проехался каток. А душу переполняло чувство вины за свой неизвестный поступок. Неужели я могла так перепить? Я же всегда знала свою норму. И вообще, не любила терять контроль над

собой и всегда пила лишь до состояния легкого опьянения. Я никогда не понимала людей, которые могли напиться до беспамятства.

Затем я пошла на кухню. Там тоже было пусто. На столе зато царил страшный беспорядок. Стояли приборы на пять персон, так что мы были в полном сборе. Закусывали мы жареной курицей. Я помню, как вытащила курицу из морозилки перед уходом в кафе. Значит, курица пожарена после кафе. И жарила ее по логике, конечно, хозяйка квартиры. Это я! Боже, как мне дурно стало от этих догадок! Похоже, мы сидели до утра. Утром друзья разбудили своих детей и уехали. А муж мой, естественно, тоже поехал на работу. Боже, как же можно не спать до утра и ничего не помнить?!

Позвонить мужу на работу и спросить, что со мной случилось? Расскажи-ка, милый! Да-а, более идиотской картины трудно представить.

Немного поразмыслив, я пришла к выводу, что наверняка вчера устроила скандал, увенчавшийся моей «красивой» физиономией. Я твердо решила, что ничего у мужа спрашивать не буду. Признаться, что ничего не помню, – значит, признать свою беспомощность и оплошность. И все настолько омерзительно, что нет слов. Пора бы уж задуматься о другой, более серьезной жизни. Как может мать двоих маленьких детей позволить себе такие вольности?! А если бы я никогда больше не пришла в себя? Что стало бы с моими детками? Кто бы их так любил, как я? Кто бы о них заботился, как я? Кто бы ставил их на ноги? От этих мыслей мне стало просто невыносимо. Нельзя быть такой эгоисткой. Подумаешь, она приревновала своего самца! И что теперь? Напиваться, не отдавая отчета своим действиям? Глупости!

Я весь тот день посвятила анализу своей прошлой жизни. И пришла к выводу, что любовь моя к мужу и ревность, которая меня гложет все эти пятнадцать лет совместной жизни, и гроша ломаного не стоят по сравнению с благополучием моих детей. Простить мужу его поступки я еще не созрела. И вообще, сомневаюсь, что умею прощать. Этому, видимо, надо долго и упорно учиться. А не простить и расстаться с ним навсегда... Как же тогда дети? Они обожают отца. И отец от них без ума. Может, он муж и недостойный, но отец он отменный, таких еще поискать.

В общем, я пришла к такому решению. Замужняя женщина, как и женатый мужчина, носит обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки. А если кольцо на пальце левой руки, значит, человек разведен. Вот я в душе развелась с мужем и ритуально закрепила свое решение тем, что переместила обручальное кольцо на левую руку. И торжественно себе пообещала больше не устраивать сцен ревности мужу. Более того, мне надо искать способы излечиться от ревности, как от психологической зависимости. Я вдруг почувствовала, как у меня внутри что-то щелкнуло, будто переключилось на другой канал, и я ощутила свободу. «Отныне и навсегда, дочь моя, ты свободна от этой обременительной любви к неблагодарному мужу», – произносила я вслух от имени священника самой себе. У меня ручьем текли слезы – слезы любви и горечи. И я подумала, что ни один мужчина не достоин женских слез. Может, в этот момент родилась еще одна феминистка. И феминистка, смотря в зеркало на свою не совсем приятную физиономию, сказала:

– Подруга, посмотри на себя, на кого ты похожа? Ты – молодая, образованная, привлекательная, востребованная, продвинутая. Да если ты только захочешь, у тебя этих мужчин будет столько... Какая может быть любовь, если он не уважает тебя как женщину, как слабый пол? Избивает. Деспот! Дикость какая! Средневековье... Свет клином на нем не сошелся. И вообще, ты что, в помойке росла, почему допустила такое? Почему унижаешься? Посмотри, какая у тебя физиономия! Как ты теперь покажешься людям? А своим детям? Мамаша! Да если ты сама себя не уважаешь, кто тебя уважать станет? Совсем потеряла себя со своею любовью. Разуй глаза, подруга, оглянись, опомнись! Встряхнись, подними голову! Пусть он тебя ревнует и сходит с ума!

Я слушала проснувшуюся в себе феминистку и редела. Боже, как она права! Где были мои глаза до сих пор?! Все! Конец! Начну новую жизнь!

И я начала мечтать о свободе личности. Кто-то из великих сказал, что свободный человек свободен даже в заточении. Какое сладкое слово «свобода»! Да здравствует свобода! Свобода во всем. Свобода слова, свобода поступков, свобода выбора, свобода мыслей! Боже, как это прекрасно! Почему я об этом раньше не задумывалась? Долой ханжество! Долой предрассудки! Да здравствует свободная любовь! Клин клином вышибают, говорят в народе. Вот что принесет мне счастье! Вот что будет моим лечением от этого тяжелого недуга – ревности.

А что касается моих отношений с мужем, я, как Скарлет О'Хара, подумаю о них завтра. Может, со временем, когда дети подрастут и станут самостоятельными, мне удастся оформить развод и обрести истинную свободу. И сбудется моя заветная мечта: уехать в свою любимую Францию, пожить в любимом Париже.

«...А я сяду в кабриолет и уеду куда-нибудь...»

Жертва системы

Система... Какое это было весомое слово! В конце прошлого столетия люди из других городов часто приезжали в столицу и устраивались на любую черную работу на каком-нибудь предприятии, входящем в систему, где выделялся государством лимит на жилье. И, проработав определенное время, зарабатывали себе вожеленную московскую прописку и квартиру.

Вспоминается мудрость: «Кто-то хочет увидеть Париж и умереть, а кто-то – прописаться в Москве и жить». Получается, я отношусь ко вторым. Хотя всю сознательную жизнь мечтаю пожить в Париже, среди своих любимых, как мне кажется, близких мне по духу французов. Людей свободной любви. Ведь там некогда бывшие страстные любовники, испив чашу страсти до дна, легко и непринужденно расстаются. Ни взаимных упреков, ни оскорблений, ни обид... И к тому же они остаются друзьями. Но это лирика. В жизни все гораздо прагматичнее. Что касается системы, то я стала ее жертвой.

Приехав в Москву, я избежала участи лимитчицы. У меня были другие цели – я хотела окончить московский вуз и по окончании уехать по распределению. Это казалось так романтично! Но судьба распорядилось по-своему. Пока я грызла гранит науки и пребывала в счастливом студенчестве, я успела параллельно влюбиться по уши, выйти замуж и родить двоих детей. А мой благоверный тем временем работал в этой ему ненавистной системе за гроши и заработал нашему семейству махонькую двухкомнатную квартиру. Тут он расслабился и на радостях нашел себе другую работу для души, к тому же высокооплачиваемую. Но оказалось, что он недоработал положенного в системе срока, и ему аннулировали ордер. Там было очень много всяких заморочек, как выразилась бы нынешняя молодежь. Для решения этой проб лемы, высосанной из пальца, требовались, конечно, деньги. Которых, естественно, у нас не было. И единственным выходом было возвращение в систему. На семейном совете, в состав которого входили мы с мужем, поскольку дети еще выросли от горшка два вершка, было единогласно решено, что глава семьи отработал свою карму в злосчастной системе, ему не стоит далее унижать себя мизерной зарплатой, тем более, что у него на шее трое, и на стезю борьбы с системой выходит хранительница очага...

В то время я сидела дома с маленькими детьми, и для меня работа казалась даже полезной для разнообразия. Единственной на тот момент свободной вакансией в системе оказалась вакансия уборщицы, и я оформилась на эту должность. (Согласно идеологии страны: «Всякий труд в почете»). Но мы с мужем всячески ухищрялись, чтобы мне не заниматься этой увлекательной деятельностью. То мы находили женщину, которая, согласно двойному окладу, выполняла мою работу, то – мужчину-дворника, который подработал вместо меня. Какое-то время нам удавалось договориться с техником, непосредственным моим начальником, которая, в свою очередь, действительно здорово выручала меня.

Таким образом, свободного времени у меня было предостаточно, и я себя полностью посвятила развитию моих подрастающих детей. Я их водила на спортивно-танцевальный кружок. Они с удовольствием танцевали рок-н-ролл, словно воплощая мою мечту в жизнь – я всегда мечтала научиться танцевать рок-н-ролл. Также мы занялись английским языком, тут я, пожалуй, частично воплотила в жизнь давнее свое желание выучить язык. Чтобы помочь детям хотя бы изначально, мне пришлось самой вместе с ними изучить язык. (Я брала уроки английского у Тома). Мы также занимались плаванием – для профилактики здоровья, во-первых, и, во-вторых, это просто доставляло им огромное удовольствие. Затем – школа, музыкальная школа, эти постоянные сопровождения... Короче, в начале сентября я окуналась в школьную жизнь с головой, а в конце мая только открывала глаза и удивлялась тому, что, оказывается, есть и другая жизнь, кроме школы, детей и семейных забот. И так прошла

целая жизнь. Но на работе никаких сдвигов не было. На все мои прошения по улучшению жилья приходил отказ, поскольку у меня небольшой стаж.

Дети подрастали, самостоятельно ездили в школу и в кружки, иногда их сопровождал отец, и я стала немного тяготиться своим положением, близким к состоянию неприкаянности. Тут опять судьба мне преподнесла очередной крутой поворот в жизни. На нашем родном предприятии начались повальные сокращения. И я тоже под него попала, и мне предложили, как я уже рассказывала, должность швейцара.

Ирина и Алевтина

Итак, я – женщина среднего возраста, с высшим образованием, мать двоих уже немаленьких детей, приступила к обязанностям швейцара, проще, вахтера. Мне, просидевшей дома продолжительное время, изголодавшейся по общению с людьми, все было ново и интересно. Я буквально наслаждалась. До этого я особенно редко разговаривала с мужчинами. Только с мужем и его друзьями, которые видели во мне только жену друга (это святое!), но никак – отдельную личность, тем более, женщину.

Сначала в общежитии я познакомилась с Ириной. Она оказалась старожилом. Отзывчивая и гостеприимная, она пригласила меня к себе на чашку чая. Поднимаясь к ней на лифте, а затем проходя по коридору, я испытывала некоторый шок. Все было настолько убого, что мне с каждым шагом становилось не по себе. К своему стыду я чувствовала себя сытой американкой, у которой быт налажен с самого ее рождения и которая случайно попала в перенаселенную коммуналку. Как все в жизни относительно! Мне ведь приходилось жить в таком же общежитии в студенческие годы, но тогда казалось все нормой – и общий коридор, и общие санузлы, и общий душ, и общая кухня. Но сейчас вид такого же общежития из моего прошлого не вызывал у меня ностальгию по студенческим веселым и счастливым годам. Может, возраст уже не тот, а может, жильцы не студенческого возраста, а может, времена не те. Двадцать первый век на дворе. Я была в тот день перенасыщена впечатлениями и переварить их просто не успевала. Так много нового, интересного... С другой стороны, меня немного угнетала неизвестность, которая могла ожидать на рабочем месте.

Ириша тем временем угощала меня чаем без ничего (чем богаты...). В тот момент она не работала, перебивалась на деньги, посылаемые отцом и матерью. В дальнейшем мы с Иришей подружились. Она одна воспитывала дочь. И они с дочкой стали приезжать к нам в гости. И у меня сначала не было ни одного дежурства, когда бы я к ней ни заходила или она бы ко мне ни спускалась.

Однажды Ирина сказала, что у нее событие в жизни, которое нужно обязательно отметить. Ей наконец-то удалось сдать документы в муниципалитет на квартирную очередь. Это было действительно величайшим событием, впереди забрезжила перспектива вожделенного отдельного жилья. Как в мире все относительно! И я еще возмущалась своей судьбой, что мне из-за жилья приходится работать вахтером. Нет, чтобы благодарить судьбу: ведь отдельная квартира у меня есть. И детям моим не приходится ходить в общую душевую, не говоря уж о санузле, что мне самой не нужно мучиться на общей кухне... Да, все познается в сравнении.

На празднование Ирина пригласила подругу Алевтину. Она тоже была старожилом общежития и оказалась очень веселой, компанейской. Знала много анекдотов, чем нас весь вечер занимала.

Они обе были искренними, непосредственными и этим меня покорили и одновременно шокировали оголенной непосредственностью и простотой, которая хуже воровства. Но мне с ними было так легко, уютно, что я тоже начала делиться интересными воспоминаниями из своей студенческой жизни, когда мне приходилось подрабатывать в психиатрической больнице.

Ирина накрыла вкусный стол, преимущественно рыбный. У нее родители жили на Камчатке и часто присылали всякие рыбные вкусности.

Алевтина была не только жительницей общежития, но и работала здесь уборщицей. Она, как оказалось, тоже одна воспитывала сына и, конечно, как и все, надеялась на получение квартиры.

Боже, думала я, сидя с ними и слушая их. Что же это такое творится на свете? Почему они, молодые, здоровые, красивые одни растят детей? Почему они так называемые матери-одиночки? Это что, дань моде? Или это какая-то особенная тенденция? Они ведь ненамного моложе меня, мы дети одного поколения. Но почему у них другая жизнь, другой мир? Они и сами совсем другие. Как и их мир, где обитают люди, обделенные всем, мир матерей-одиночек, и мир, где молодая женщина может вообще ничего не делать или работать уборщицей, поскольку уровень притязательности у нее совсем невысок. Это мой новый мир, в котором мне придется пожить какое-то время. Но везде живут люди. Даже в Сибири и на Магадане. И на Колыме тоже...

Коллектив

Постепенно я познакомилась и с остальными членами нашего дружного коллектива. Он состоял в основном из женщин бальзаковского возраста. Уникальный своего рода возраст, когда уже не молодость и еще не старость, и не пришла пора сдавать свои позиции. И в этом возрасте у женщин еще полностью сохраняются инстинкты молодости, потребности молодых девушек, как физиологические, так и психические, душевные.

Женщина от четырех до девяноста четырех лет остается женщиной. И все, что нужно ей, – это только любовь. Ну, хотя бы внимание.

Заведовала общежитием Людмила Михайловна Васечкина. Роль, которую она играла в своей жизни, безусловно, была активная. Есть такое определение в классификации человеческой роли в собственной жизни: босс – человек-генератор, влиятельный, весомый, человек, в данном случае, из руководящего класса. В эмоциональном общении она всегда держала дистанцию. Соблюдала субординацию. А контактировала с людьми по схеме: приказ – контроль за исполнением. Не могла отказаться от роли руководителя даже в неформальной обстановке.

Но, тем не менее, женщина приятная во всех отношениях, всегда с опрятной внешностью, с короткой стильной стрижкой, прекрасно сохранившейся фигурой, имела весомый авторитет в коллективе. Она, с большим стажем и опытом работы, ко всем своим подчиненным относилась одинаково. Внимательная, никогда не обделяла никого из коллектива, всегда помнила дни рождения своих подчиненных и всегда вовремя поздравляла.

С открытым, общительным характером, Людмила Михайловна была для всех жильцов и сотрудников живым примером порядочности и добросовестности. И ее воспринимали не только как заведующую, но и как человека, на которого можно положиться.

Меня всегда умилял один факт: к ней жильцы, причем, от мала до велика, приходили со своими житейскими проблемами, с бытовыми конфликтами. Мне неоднократно приходилось наблюдать, как к ней приходили бабки-пенсионерки с жалобами на своих соседок, таких же пенсионерок, и просили заведующую устроить крутые разборки. Со стороны это так забавляло. Но все было на полном серьезе.

А сколько веселых праздников, дней рождений, всяких событий мы отметили вместе!

Но все равно кутить с ней мы, ее подчиненные, не любили. Как говорится, подальше от начальства, поближе к кухне. Людмила Михайловна для нас всегда оставалась начальницей. Она могла и за праздничным столом говорить о работе, делать кому-нибудь из нас замечание, даже повысить голос. А покричать она любила. Бывало, сижу я на вахте, службу несу и слышу раздражающий слух голос заведующей. Она где-то на этаже устанавливала свои порядки. А потом спустится ко мне уже успокоившаяся и не без удовольствия сообщает:

– Алин, я сейчас так орала!

Может, она в этот момент утверждалась в своей власти. А жаль...

Значимой фигурой нашего коллектива была и Дина Павловна Астраханская, уборщица. Когда я ее впервые увидела, мне она показалась самой молодой среди нас. Миловидная, стройная, с очень приятным цветом лица, она выглядела намного моложе своего возраста. В коллективе ее уважали, некоторые боготворили. «Ты что? Как Пална (так ее звали в коллективе) сказала, так и будет. Она у нас авторитет», – говорили все.

Согласно той же классификации человеческих ролей ее можно соотнести к определению «барин» – человек-импульс. Тишайшая просьба его исполняема, словно окрик. Хотя просит он редко – чаще высказывает вслух лишь свои намерения. Люди на подхвате, как правило, подобострастно предупреждают его желания.

Как говорится, короля делает свита. Ей надо было обязательно окружить себя свитой, хотя бы в одном лице. Такой свитой служила для нее Санька Тихонова.

Дина, в свою очередь, как в хороших итальянских кланах, своим авторитетом покровительствовала Полине Михайловне Юсуповой.

Полечка (как я ее зову, любя) – еще одна из уборщиц нашего рабочего братства, у нас слабохарактерная, постоянно нуждающаяся в поддержке. Ей, допустим, надо съездить по делам куда-нибудь, она обязательно просила Дину поехать вместе с ней, ей скучно одной. Или если нужно сделать что-нибудь, она обязательно:

– Ну, это – как решит Пална.

Странные у них сложились отношения, дружбой это не назовешь. Полина была чрезмерно доброй по природе, за что ей часто приходилось расплачиваться. Все ее мысли, эмоции были написаны на лице, смотри и читай. Добродушная, совсем не знакомая с завистью, совершенно беззлобная, она страдала от своего языка: ужасная болтушка.

Помню один случай, который мы с ней часто вспоминаем и смеемся. Как-то мы выпивали у меня на вахте с мужчинами, отмечали день молодежи. Это было днем. К вечеру ко мне собирался подъехать муж. И я ей говорю:

– Полечка, ко мне должен заехать вечером муж. Мы к тому времени уже оклемаемся, он даже не заметит, что мы пили сегодня. Только я тебя умоляю, не говори ему ничего, не выдай меня ненароком. – И причем несколько раз попросила. Она, конечно, согласилась молчать:

– Ну да, без вопросов. Ничего не скажу.

А когда муж приехал и не успел даже зайти на вахту, она уже закричала, как нарочно:

– Кость, а мы сегодня пили, отмечали день молодежи!

Будто ее за язык кто тянул! И все это без задней мысли, без злого умысла.

Жена состоятельного человека, она по доброте душевной часто спонсировала спонтанные посиделки.

По классификации человеческих ролей ее можно отнести, пожалуй, к определению «человек со связями». Такой человек, как правило, друг или близкий высокопоставленных лиц. Он занимает одинаковое с вами положение, он такой же, как вы, но... Вам и не снилось, с какими людьми он якобы накоротке!

Была у нас в коллективе еще одна уборщица, задушевная особа, про таких обычно в народе говорят: или дура, или святая. Теперь-то я точно знаю, что она была святая. Санька Тихонова (отчества ее не помню). Я ее в шутку звала Штирлицем, согласно ее фамилии. А она звала меня Мюллером. Идет, бывало, утром на работу, обязательно зайдет на вахту.

– Привет, Штирлиц, дружище, – это я так ее встречаю.

Она в ответ:

– Привет, Мюллер, как сама? Как прошло дежурство? Все спокойно?

– Желающих насиловать не было, – говорю ей.

– Размечталась, – мне в тон восклицает она.

Разведенная, она одна воспитывала двоих детей. Несмотря на все свои проблемы, всегда была готова любому прийти на помощь. По первому же зову. Мы ее не понимали. Некоторые считали ее глупой. Если кому-то нужны были деньги, она – сама вся в долгах как в шелках – находила деньги и выручала человека. Если кто-то просил ее отработать день за кого-то, то она это делала безвозмездно. Всегда находятся люди, которые не пропускают таких, как Саня, обязательно используют. Дина для нее была неоспоримым авторитетом, и Саня ее просто боготворила. Всегда – и по поводу и без повода – стояла за нее горой. В любой компании ни с того ни с сего начинала хвалить любимую Дину: «И выглядит она молодо, и морщин у нее нет, и женской гордостью не обделена...» И все считали их хорошими подругами.

По классификации человеческих ролей в жизни она, пожалуй, была ярким представителем определения «слуга» – человек на подхвате. Он безотказно выполняла любые просьбы, стараясь угодить всем подряд.

Еще одна уборщица Людмила Васильевна Тишкова (для своих – Васильна). Она была и нашей сотрудницей, и старожилом общежития. Долгими зимними вечерами мы с ней коротали, бывало, вечера. Как у многих одиноких людей, у нее в голове водились свои тараканы. Каждый имеет право на них. Она, будучи веселой, жизнерадостной, иногда впадала в тяжелую депрессию и требовала к себе внимания. В такие дни она становилась невыносимой. Часами не без удовольствия могла рассказывать про свои мнимые болезни, иногда так увлекалась, что сама начинала в них верить, и приходилось вызывать «скорую помощь». Не находя себе места от скуки в больнице, Васильна быстро возвращалась. Она доставала своего участкового врача, и тот однажды ее отправил к психиатру. И она сидела, горем убитая:

– Я что, ненормальная? Зачем мне к психиатру?

Я стала ей как можно мягче объяснять:

– Может, ты себя накручиваешь? У тебя все в порядке, всю обследовали и ничего не нашли. Поэтому врач решил проверить твою психику...

Но чаще она оставалась веселой, простой и понятной. С ней было легко. Иногда на нее находили приступы щедрости и гостеприимства. Она приглашала к себе, угощала чаем с тортом, могла даже чем-нибудь горячим вкусненьким накормить. А иногда жадничала, жалела даже какую-то мелочь.

По классификации человеческих ролей в жизни она у нас «жертва» – человек-омут. Сколько ему ни помогай, он не выплывет. Все беды – на его голову. Часто это напускное. Таким образом многие очень неплохо устраивают свою судьбу, пользуясь сочувствием и поддержкой близких.

Я с ней могла всегда договориться, если мне что-нибудь требовалось. Например, ко мне пришли друзья или подруги пригласить меня в кафе поужинать или куда-то еще. Я помню, как к нам заходил молодой человек, который жил у нас в общежитии. Честно говоря, я даже не знала, как его зовут. Но главное – вовремя поддержать игру, чтобы не оказаться за бортом, чтобы не лохануться, как выражаются мои дети-тинэйджеры. Так вот, он заходил и сходу:

– Девочки, давайте играть в карты на раздевание. – И тут же добавлял: – Сегодня я надел новые трусы, черные в красный горошек.

Или предлагал:

– Давайте устроим крутую вечеринку с оргиями. Сейчас напьемся и начнем крутую вакханалию.

Поначалу он меня шокировал своими шутками. Однажды мы с Васильной поймали его на слове и потребовали с него пузырь. Так он нам купил бутылку хорошего вина, а сам составил компанию с соком. Видите ли, он не пьющий, и вообще, он женатый, а жена у него в данный момент в роддоме, рождает ему ребенка. Он оказался просто болтуном-пустозвоном. И совсем безобидным, мягким, белым и пушистым.

Однажды я была с Полей Юсуповой, и мы встретили его на этаже. Он, увидев меня, в духе нашей неписанной игры, начал подшучивать снова насчет игры в карты на раздевание. Я, поддерживая игру, стала у него выяснять, в каком он сегодня нижнем белье. Эти подробности шокировали, конечно, мою подругу, и, когда мы с ней остались одни, она спросила:

– Он, что, того? – и покрутила у себя на виске.

– Да он просто придушивается. Это у нас такая своего рода игра, не обращай внимания, – старалась объяснить я, не оскорбляя ничьих достоинств.

Или другой случай. Однажды вечером ко мне спустились мои подруги (каковыми я их тогда считала): Полина, не Юсупова, а другая – Назарова, и Настя Агутина (одна из старожилы нашего общежития), и предложили мне сходить в кафе поужинать. Я, естественно,

попросила мою Васильну подежурить за меня. Она любезно согласилась с условием, что я ей принесу чего-нибудь вкусенького.

Как я в тот день вернулась, помню очень смутно. Помню, как телефон зазвонил, просили вызвать тетю Рачу, пожилую жительницу нашей общаги, беженку из Баку. Это ей звонила одна из бывших беженок, которая впоследствии удачно эмигрировала в Америку. И Васильна побежала, позвала тетю Рачу к телефону, это в час ночи! Я понимаю, в Америке в это время день. Тетя Рача прибежала с очередными вафлями. Их у нее было навалом, потому что у нее дочь работала на кондитерской фабрике. Вот везуха! А тут сидишь на вахте, и стащить нечего. Где же справедливость? Тетя Рача говорила почти час. За счет американцев. Боже, как я опять захотела в Париж! Ну, это так, крик души. Не обращайтесь внимания. И я спросила у тети Рачи, которая тоже собиралась эмигрировать в Америку:

– Вот вы уедете за океан, а кто нас тут будет угощать вафлями?

Она расхохоталась:

– Я тебе, моя дорогая, буду присылать баксы.

Это было в ее духе – щедро раздавать обещания. Но я не доработала до того дня, когда она уехала. Тетя Рача эмигрировала без меня.

А вот еще случай из нашей с Васильной совместной смены. Опять кто-то зашел ко мне поздним вечерком, пригласил поужинать в каком-то кабаке. Опять Васильна, палочка моя выручалочка, отпустила меня. И опять я вернулась навеселе.

Помню, в тот вечер в холле стоял один чеченец. В то время, вообще-то, их не было уже в общежитии. Но один экземпляр сохранился. В обычное время мы с ним только на расстоянии дежурно здоровались. Но тогда был особенный день. Мне страшно хотелось пить. И ничего не оставалось, как попросить его принести мне воды. Время было позднее, никого нет поблизости. Он любезно принес мне чашку чая. А у меня вдруг язык развязался.

Я вспомнила один случай, связанный с этим молодым человеком. В то время я еще только приступила к работе, всего боялась, не была такой смелой. Я дежурила, и со мной вместе нес службу охранник. И тут к нам спустилась женщина с какого-то этажа и закричала, что пьяный мужчина у них на этаже буянит. Охранник, конечно, пошел разбираться. Долго его не было. Я забеспокоилась, побежала наверх и увидела, как охранник борется с этим пьяным мужиком. Увидев меня, заорал:

– Алина, зови милицию! Мне одному с ним не справиться!

Я спустилась и вызвала милицию. Приехал вооруженный автоматами наряд и забрал пьяного дебошира.

А на другой день, как это обычно бывает, все в общежитии говорили, что была драка между чеченцами и русскими. Но к тому времени вот этот чеченец оказался единственным жильцом нашего общежития. И он был совершенно ни при чем. Зато устроил мне скандал. Ну, конечно, вахтер – последний стрелочник. Он кричал, что чеченцы поперек горла встали у меня, что я их ненавижу... Хотя я смутно могу представить его поперек своего горла.

А вот теперь я с ним разоткровенничалась, припомнив тот давний случай. Вспомнилась мне моя влюбленная в них, в чеченцев, подруга Тома, которая говорила: чеченцы такой воинствующий народ, что их поставить на колени невозможно, что война с ними – просто утопия. И тут началось такое откровение... Он начал мне признаваться в симпатии, говорил, что до сих пор боялся ко мне подойти, думал, что я вся из себя очень правильная (Боже, кто бы мог подумать!). Начал мне предлагать пойти с ним куда-нибудь, утвердить наши дружеские отношения, скрепить сей нерушимый союз стаканами или чем еще, с учетом его наркоманского прошлого, а может, и настоящего, и будущего. Я, конечно, мягко отказалась, сказала, как-нибудь потом, в другой жизни. А будете проходить мимо – проходите. Это вахта.

И свидетелем всех этих событий была моя дорогая Васильна. Но все оставалось в рамках наших отношений, чем она и заслужила мое уважение, а моя неразборчивая душа любила ее тогда. Загадочная русская душа...

* * *

Коллектив в общежитии был, как это принято в рабочих кругах, пьющий. Поначалу меня от этого немного коробило. Но, имея огромное желание влиться в коллектив и будучи очень общительной, я приняла этот факт как должное. «В конце концов, я уже в том возрасте, когда повлиять на мою психику извне вряд ли возможно», – думала я. И начала постепенно приобщаться к этому процессу, то бишь к употреблению алкоголя. Этот процесс у нас был почти каждодневный – всегда веселый, шумный, многолюдный и, что самое привлекательное, с множеством мужчин. Мужчин ничейных, общих, просто для общения. В основном это были так называемые командировочные. А они, как и курортники, всегда холостые. Жены рядом нет, – ну, чем не жених! У меня появилась возможность осуществить, претворить в жизнь возникшую у меня недавно мечту о французской любви – взаимной, всеобъемлющей, без обременительных моральных обязанностей друг перед другом, в основе которой – умопомрачительный секс. Отношения должны быть легкими, взаимно интересными и, пожалуй, без перспектив на серьезность. И, что самое главное, – без ревности! Это я прописала себе в качестве психотерапии. О-ля-ля, я уже предвкушала свою первую жертву!

Хотя я была женщиной до мозга костей, в моем характере нашлись черты мужского, в частности – полигамность. Это составляющая часть феминизма. Полигамия, как правило, служит для мужчин оправданием непостоянства перед женщиной и, вообще, перед обществом. Видите ли, в них природой заложена эта полигамия. Какая дискриминация! А как же быть с женщинами, у которых тоже от природы заложена полиандричность? Можете назвать это любвеобильностью. Или иначе: у мужчин, понимаешь ли, в отличие от женщин, есть чувство пола. А как же быть с женщинами, у которых тоже есть это чувство? В нашем обществе такие женщины не находят понимания. И что самое обидное, не находят понимания не только среди мужчин, но и среди некоторых женщин. И после этого мы осмеливаемся утверждать, что мы – цивилизованное общество!

Цивилизованное общество, прежде всего, – единение равноправных, свободных личностей. О какой свободе личности можно рассуждать, когда кругом сплошные дискриминации?! Эти и подобные мысли давно занимали меня, и вылилось все в мечту о французской любви. Во Франции, как мне представлялось, намного свободнее, демократичнее, чем у нас, особенно в любовных вопросах. Опять хочу в Париж, как в том анекдоте:

- Опять хочу в Париж.
- А вы там уже были?
- Нет, я уже хотела.

Начало осуществления мечты идиота

В один из прекрасных вечеров я дежурила на вахте. Нас было трое женщин: кроме меня, Полина Назарова и Настя Агутина. Мы классически соображали на троих, пили рабоче-крестьянский напиток с воблой и мирно беседовали о своем, о женском. Было не скучно. Народ потихонечку возвращался с работы, и к нам на вахту стали заглядывать знакомые моих собеседниц – мужчины, которых я не знала. Кто-то заглядывал только поздороваться и перекинуться парой фраз, а кто-то оставался составить нам компанию. Таких желающих оказалось немало, и тут к нам, откуда ни возьмись, присоединилась еще одна наша сотрудница, Полина Юсупова.

Затем пришел невысокий молодой человек, блондин, очень приятный, подсел ко мне. Он был уже изрядно выпивший и весь вечер сидел возле меня, такой тихий, брал мою руку, зажимал ее у себя в ладонях, поглаживал и молча смотрел мне в глаза. Ничего больше не допускал. Меня это немного позабавило, но на «француза» из моей мечты он явно не тянул.

Позже появился еще один молодой человек. В первую секунду мы с ним обменялись взглядами, и мне показалось, что между нами пробежала молния. Это было так волнительно. Он мне напоминал Шукшина, такой деревенский образ, может быть, первый парень на деревне – простой, грубоватый в ухаживаниях, прямолинейный, но очень открытый и веселый (просто душа компании!), чем располагал к себе. Его все знали, уважали, с ним считались. Постепенно первое впечатление о его грубости исчезало, он теперь казался милым дамским угодником из разряда мужчин, которые любят женское общество и пользуются успехом. Просто «Милый друг» Мопассана. Гипотетический «француз».

Вскоре нам стало тесно в вахтерке, и мы всей компанией высыпали во двор. Ночь была летняя, теплая.

Выпивка да прекрасный вечер... Мы переполнились романтизмом, казалось, сама природа шепчет всем или каждому по отдельности такие слова, что надо быть поэтом, чтобы их повторить, запомнив наше состояние. В тот вечер я получила несколько предложений от мужчин, мечтающих о продолжении банкета в уединении и в постельном варианте. Сбылась мечта идиота! Но, оказалось, что я сама еще морально не готова к этой мечте. Бойтесь своих желаний, говорит народная мудрость. Вот тебе и французская любовь! Да, похоже, я сама француженка еще та! Теория теорией, а на практике все оказалось сложнее. Где уж в один вечер преодолеть годами нажитые комплексы!

После той вечеринки ко мне на вахту стали заходить все участники вечера. Тихоня, который весь вечер мне гладил руку, оказался образованным, интеллигентным, что редкость в тех кругах, приятным в общении. Мне с ним было интересно беседовать на различные темы. Он часто заходил ко мне с благороднейшими напитками и, изрядно выпивший, всегда изгонял тех, кто заходил ко мне на вахту: будь то пожилая жительница общежития или кто-то из моих подруг. Он объяснял это тем, что якобы ко мне не ровно дышит и желает уединиться со мной. Потом мне приходилось провожать его наверх до комнаты, обещать, что обязательно приду к нему после полуночи, и на этом наши «романтические» отношения заканчивались. Наутро, выспавшись, свеженький, он проходил мимо вахты и ограничивался лишь слабым поднятием руки в знак приветствия. Такие отношения с ним у нас сохранились вплоть до моего ухода из общежития навсегда.

Милый друг, который в тот вечер показался мне гипотетическим французом, вел себя немного иначе. Во-первых, он от своего предложения не собирался отказываться. Во-вторых, был настойчив, невзирая ни на какие преграды. Ну, чем тебе не француз? Он заходил ко мне всегда, когда приезжал в общежитие, угощал меня вином и всякими вкусностями и

приглашал постоянно к себе в комнату. Но дальнейшего развития наших отношений почему-то не намечалось.

Прошлая жизнь

Еще до того, как я вляпалась в системную стезю, жизнь моя была совсем иная. Меня окружали другие люди, с иными запросами, проблемами и уровнем. Я выросла в интеллигентной семье. Отец у меня был талантливым математиком, а мать – экономистом. Несмотря на то, что мы жили в провинциальном городке и семья была многодетной, уровень культуры нашей семьи оставался на высоте. Каким-то образом родителям удалось привить нам любовь к высокому – поэзии, искусству, музыке. Или это природное? А может, передается генетически. Как бы там ни было, я всегда любила ходить в театр, слушать классическую музыку. В первые годы жизни в Москве я не могла поверить такому счастью: есть возможность ходить в театры. Ах, этот особый дух театра! Есть люди, которых просто трогают великие произведения искусства. Я посетила без разбора все столичные театры, хотя в те годы попасть в них было очень сложно. Помню, я, фанатка, приходила к началу спектакля и стояла, выпрашивая лишний билетик. И, если везло, он находился, то я, счастливая и даже в какой-то степени гордая своей удачей, шла смотреть представление: будь то спектакль, балет или опера.

А сколько музеев, выставок, картинных галерей в Москве, особенно сейчас! Только ходи и наслаждайся. И мне казалось, все так и делают. Но, когда я в общежитии, в ином коллективе, впервые заговорила про театр, меня буквально подняли на смех. Был рассказан даже анекдот: «Мужчина опоздал на представление и в темноте пробирается на свое место. А другой мужчина, сидя в зале, нагнулся и копошится со своей обувью. Опоздавший мужчина, проходя мимо, спрашивает: “Глинка?” – а тот ему отвечает: “Я тоже думал глина, а это дерьмо”».

Ха-ха-ха, очень смешно! Я даже обиделась. Но впредь старалась не навязывать там никому свои пристрастия. Это только поначалу меня многое шокировало. Мною тяжело воспринималось эта неприкрытая, всеобщая простота, когда совершенно незнакомые люди подходят и запросто с тобой на «ты». Или помню, как меня пристыдили, когда я на «вы» обратилась к одной женщине постарше. Позже, спустя некоторое время, я сама уже считала, что это выглядело нелепо с моей стороны. Вот как человек может вжиться в среду! Мне иногда казалось, что меня воспитали в каком-то изолированном обществе: я училась не в той школе, общалась не с теми, ходила не той дорогой. Все-таки есть свои издержки во всех формах воспитания. Я даже стала бояться оказаться белой вороной. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы «опуститься» до уровня простоты окружающих меня людей. В некоторых случаях мне приходилось, что называется, наступать себе на горло, чтобы казаться проще. Зато я точно знаю, что в этом преуспела: однажды мне в шутку сказали, что я достала своей простотой. Раньше бы оскорбилась, но в данном конкретном случае должна была гордиться своими артистическими способностями. Но окружающие люди мне нравились. И вообще, у меня развита природная любовь к людям. Как будто мой любимый классик с меня писал роман «Идиот». И я за очень короткий срок практически без моральных потерь влилась в новый коллектив. И прожила в нем настоящую, полную событиями жизнь.

Море, дети, раки

Пока наши дети были маленькими, мы их на лето отправляли в деревню к бабушке с дедушкой. В основном, к родителям мужа. У них условия жизни очень хорошие. Во-первых, его родители живут в колхозе, в большом частном доме с огромным участком: огород, богатый зеленью, огурцами, помидорами, и бахчевые культуры: дыни, арбузы... Во-вторых, у них еще есть фруктовый сад с яблонями, сливами, абрикосами, персиками.

И вдоль стен дома со всех сторон вьется виноградник, тень от которого расстилается по всему двору. Спасительная тень от виноградника в любое время суток защищает детей от назойливого солнца.

Плюс ко всему к бабушке с дедушкой на лето съезжались внуки из разных городов. Вот и наши дети ездили к ним с удовольствием. Но всякое удовольствие надоедает, если это становится нормой. «Опять икра»...

Подрастая, дети с каждым годом все неохотнее соглашались на эти поездки. Теперь уже появились свои мнения и желания.

– Мне уже одиннадцать, а я еще не видела моря, – заявила дочь.

– А мне уже девять, и я тоже еще не видел моря, – повторил за сестрой подученный подхалим-братик.

Ну, что ж... Пожеланиями подрастающего поколения пренебрегать нельзя. В детях с самого рождения надо уважать личность, утверждают психологи.

На семейном совете было принято решение свозить детей в Одессу к тете Гале. Двоюродная сестра мужа, она когда-то, окончив среднюю школу, уехала из родного колхоза в Одессу в поисках счастья. Свое счастье она нашла в лице коренного одессита, очень, как потом выяснилось, хорошего молодого человека с золотым характером и великолепным чувством юмора. И у них росла славенькая восьмилетняя дочь Дина.

На вокзале нас встретила сама Галя.

– Жалко, что вы заранее не предупредили, – сказала она после того, как нас всех по очереди расцеловала. – Мы с мужем взяли отпуск, чтобы на даче сделать кое-какой ремонт. И нам, к сожалению, завтра придется уехать на десять дней. Если б мы знали заранее о вашем приезде, то перенесли бы ремонт. Хочется с вами побыть, отдохнуть вместе, поплавать, позагорать. Мы же сами, как сапожники без сапог, никогда на море не бываем, все некогда. Да и вообще здесь это как-то не принято.

– Жалко, Галчонок, что так получилось, – вздохнула я. – Ты уж нас извини. Я тоже думала, что побудем с тобой вместе, давно не виделись. Я помню тебя девчонкой, когда вышла замуж и твой брат меня впервые привез в ваш колхоз.

– Да какие тут извинения, брось ты! – махнула рукой Галина. – Я тоже помню, как ты впервые к нам приехала, я тогда училась в девятом классе. А теперь вот взрослая тетка, дочка растет. Ты тогда тоже была молодая. И вас с Костиком не расписывали, потому что ты еще несовершеннолетняя. Настоящий скандал для нашего колхоза. А помнишь, как нас Костик возил колхозную кукурузу воровать?

Тут у нас начались ностальгические воспоминания. Всю дорогу, пока мы ехали на такси, мы без конца вспоминали, вспоминали...

Вечером муж сестры, Олег, вернулся с работы. И тоже, не успев поздороваться, сказал:

– Если б мы заранее знали, что вы приедете, я отпуск взял бы попозже, а Галина с Диной отдохнули бы вместе с вами. Но вы не расстраивайтесь, сейчас поужинаем, и мы вам распишем на бумаге весь наш легендарный город: где какие достопримечательности, где какой пляж. Мы завтра утром рано уезжаем, но оставим контактный телефон, чтобы можно было с нами связаться.

– Я постараюсь через недельку на денек к вам вырваться с Диной. Не обещаю, потому что я там нужна. У нас договоренность с ремонтниками: они будут работать с раннего утра до позднего вечера, чтобы справиться за десять дней, а я должна буду им готовить три раза в день да еще постоянно подавать чай, – оправдывалась Галя.

После ужина мы долго еще сидели, вспоминали прошлое. Галина с мужем жили очень дружно, в семье царил полная идиллия, которую можно было увидеть невооруженным глазом. Потом они мне на большом листе бумаги подробно расписали, кое-где расчертили, зарисовали, чтобы было понятнее, почти весь план одесских достопримечательностей.

– Если запутаешься, спросишь у одесситов, здесь в основном русскоязычный народ живет, – заключил Олег. – Только не вздумай о чем-либо спрашивать в трамвае.

– Почему? – удивилась я.

Они оба рассмеялись и почти хором ответили:

– Да потому что всем трамваем тебе хором будут отвечать.

Это была своего рода местная юморная фишка. В этом, пожалуй, заключался одесский менталитет – отзывчивость и добродушие.

Муж с женой оба гэкали и шокали, хотя оба русские.

– Одно название, что живем у моря, некогда даже отдохнуть, поплавать, позагорать, – жаловался Олег. – Вот москвичи молодцы, едут за тридевять земель, чтобы отдохнуть, и уезжают от нас с бронзовым загаром. А у нас, одесситов, круглый год брынзовый загар, от слова «брынза».

Тут он вспомнил одесскую байку про москвича. Лежит москвич один день на животе, другой день – на спине, третий – на одном боку, в четвертый – на другом боку. А на пятый день стоит вот так вот: и тут Олег встал на растопыренных, полусогнутых на коленях ногах, руки растопырил по сторонам, голова запрокинута назад, к солнцу, глаза закрыты.

И называется это – поза москвича, – заключил он.

Да, юморной парниша. Одессит.

На другой день рано утром они уехали, пожелав нам хорошего отдыха и оставив нас одних в большой трехкомнатной квартире, в хорошем кирпичном доме, стоявшем в легендарном районе «Молдаванке».

В первый же день мы, забыв о достопримечательностях легендарного города, устремились к морю. Не передать словами, какое оно на нас произвело впечатление. До моря мы добирались долго. Сначала на одном трамвае, затем с пересадкой на другом. Одесса – город трамвайный. Далее пешком через большой парк. Шли тоже довольно долго, все всматриваясь, когда же оно покажется. Увидели его, только когда подошли вплотную. Оно появилось внезапно. Огромное до утешения, зелено-голубое море расстиралось на горизонте без конца и края. У меня аж дух захватило. Я стала наблюдать за реакцией детей. Реакция у них была бессловесная, обогащенная эмоциями. До этого непрерывно говорившие, оба мои ребенка теперь будто потеряли дар речи. И весь остальной путь до самого пляжа мы прошли молча, не отрывая от моря замороженных взглядов. Пляж был песчаный.

Первым опомнился сын:

Ух, ты! Как прикольно! Маша, давай, кто первый!

Дети быстренько скинули с себя одежду и, не успев я еще расстелить покрывало, окунулись в море.

– Только далеко не заплывайте! – только успела я им крикнуть.

Они немного поплескались в воде, весело вылезли, прибежали и, счастливые, растянулись на покрывале.

– Ой, такая соленая...

– Да, такая соленая вода и холодная, – перебивая друг друга, делились они впечатлениями от первого своего заплыва в море.

– Ну, все, полежите, а я пойду окунусь, – сказала я и медленно, наслаждаясь прикосновением воды к коже, загадав желание и приговаривая от переполняющих впечатлений что-то вроде «матушка-природа, прими свою дочь в свои объятия», впервые окунулась в соленую морскую воду.

Народу на пляже было немного. Погода стояла солнечная, но ветреная. Солнце не так сильно пекло. Иногда, вылезая из воды, мы даже мерзли. И нам требовалось немало времени, чтобы обсохнуть и прогреться на солнышке.

И так целый день мы провалялись на пляже, наслаждаясь плаванием. Только в середине дня мы ненадолго отлучились от моря, чтобы пообедать в недорогой кафешке неподалеку.

Вечером, усталые, но счастливые мы вернулись домой. Дома у нас даже сил не было что-нибудь сготовить. Мы лишь попили чаю с бутербродами и, изнемогая, как после тяжелого длительного трудового дня, не успев положить головы на подушки, сразу заснули.

Среди глубокой ночи мне приснился кошмарный сон: будто я сижу у костра, очень близко к нему, и мне нужно спасти щенка, который попал в костер и жалобно скулит. Я проснулась оттого, что голос щенка доносился все явственнее и громче. Открыв глаза, я ощутила сухость во рту, словно язык прилип к небу. Преодолев слабость во всем теле, я приподнялась и увидела сына, сидевшего на диване и плакавшего. Я с трудом, с усилием слабеющей воли, подошла к сыну и обняла его. От моего прикосновения он зарыдал еще больше. Прикосновения нам обоим причиняли острую боль. Мой ребенок пылал жаром. Картина была предельно ясна: мы обгорели. Дорвались до моря!

– Мама, мне плохо, – плаксиво подала голос и дочь.

Я подбежала к ней, но дотронуться до нее тоже было невозможно. У нас у всех обгорела кожа и поднялась температура тела до тридцати девяти.

– Не плачьте, мои золотые, – приговаривала я, успокаивая детей. – Мы перележали на солнышке, обгорели. Давайте успокоимся и попробуем полечиться.

С трудом переставляя обгоревшие ноги, с каждым шагом ощущая жжение и боль, я пошла на кухню. К счастью, в холодильнике я нашла полпачки сметаны и распечатанный пакет кефира. Пакет был почти полный. Я ими обмазала плачущих детей, потом обмазалась сама. Обгоревшая кожа моментально впитывала в себя холодный кефир, но облегчение не наступало. Затем я в теплой воде растворила в трех чашках по таблетке шипучего импортного аспирина упса, привезенного на всякий случай из Москвы, и мы этот раствор выпили.

Затем я пошла на кухню в поисках необходимого малинового варенья. «Не может быть, чтобы его не было, все-таки юг», – думала я. Ура! К счастью, нашла. Я всем развела теплый чай с вареньем по большой кружке, и мы с удовольствием их осушили.

Я расстелила на полу, на ковре, простыни, положила на них детей, сама села посередине и, не дотрагиваясь до них, чтобы не причинить боль, стала рассказывать всякие байки, чтобы их как-то отвлечь. Я взяла с полки книжку Гофмана «Щелкунчик» на украинском языке и стала читать вслух. Это звучало очень смешно. Дети меня слушали, сквозь слезы даже смеялись и просили их не смешить, потому что им больно смеяться.

Где-то спустя час пришло облегчение. А ближе к утру температура нормализовалась, дети успокоились и наконец-то заснули.

И я тоже, одолеваемая угрызениями совести, обзывая себя безмозглой мамашей, заснула.

Утром я проснулась раньше детей. Угрызения совести не отпускали, наоборот, стыд за свой необдуманный поступок еще сильнее сковывал меня, душил. Я не находила себе места. Как же я так могла?! Не подумать, потерять голову! Мне, медику, так непростительно ошибиться! На душе было тяжело, и эта тяжесть заглушала физическую боль от ожогов. Да, у нас у всех был ожог третьей степени. И всему виной я!

Дети сладко спали. Хоть им хорошо!

Надев рубашку и брюки с длинными рукавами и штанинами, я ходила в магазин за продуктами, чтобы сварить на завтрак кашу. Дети очень любили любую молочную кашу еще с детского сада, а я ее готовлю редко.

Так я хотела сгладить свою вину перед ними. Я также запаслась кефиром и сметаной, которыми мы в течение двух дней мазались. Да, следующие два дня у нас ушли на лечение, мы боялись показаться на солнце. И только на третий день вечером осмелились выйти в город, погулять по ночной прохладе.

Следующую неделю мы жили по науке. Рано утром выбирались к морю, до одиннадцати валялись на пляже, затем приезжали домой и обедали. А затем спали. И вечером, около пяти, возвращались к морю на пару часов, когда солнце уже не так опасно.

В Одессе мы побывали почти везде: в интересных музеях, включая музей восковых фигур, где детям больше всего понравилось. Машке, дочке, особенно понравилась фигура Пушкина. Она говорила, что он полностью соответствует тому образу, который сложился в ее воображении. Она даже сфотографировалась с ним. А сыну, Дениске, понравилась фигура Лонжерона – адмирала, хорошо известного одесситам. В городе был не один его памятник.

После вечернего пляжа мы гуляли по легендарной Дерибасовской, где тусовался разношерстный народ, как на московском Арбате. А как красив ночной морской вокзал!

Однажды мы посетили не менее легендарный Привоз – рынок, куда по выходным дням съезжались торговцы из разных близлежащих городов и колхозов. Там мы наблюдали интересную картину, которая нам запомнилась надолго. Одна женщина торговала кучками из живых раков. Раки разбегались в разные стороны, и она их то и дело собирала опять в кучку. Подошел желающий купить раков. Женщина спрашивает:

– Вам живых или вареных?

Мужчина отвечает:

– Я хочу вареных.

То, что произошло в следующую минуту, нас поразило до глубины души. Женщина двумя руками взяла кучу раков и бросила их в кипящую воду в кастрюлю, стоящую рядом на плите. В кипятке раки моментально покраснели и, секунду назад неугомонные, внезапно замерли. Нам всем троим, наблюдавшим за этой отвратительной сценой, стало противно. Дети брезгливо отвернулись, шокированные увиденным. У дочки даже слезы полились, и она сквозь слезы тихо сказала:

– Мам, пойдем отсюда.

И мы немедленно ушли, будто бежали от несказанной жестокости. И я опять мучилась угрызениями совести, что невольно сделала детей свидетелями такой жестокости. Но кто знал, что так получится? Я, увлеченная этими подвижными, неугомонными раками, даже не заметила рядом с продавщицей плиту, на которой кипела вода в кастрюле.

Надо было срочно отвлечь детей, срочно вывести их из тяжелого состояния. Я их повела в парк на аттракционы. Они с удовольствием покатались, покрутились, затем я им купила надувные игрушки и в завершение сводила их в итальянскую пиццерию.

Время стремительно летело. Папа наш один скучал в Москве, каждый вечер звонил нам. Он у нас очень тяжелый на подъем человек. Мы его так и не смогли уговорить поехать с нами вместе. Он в свое оправдание приводил весомые аргументы: ему надо работать, зарабатывать деньги. А если он отлучится, то вся его налаженная система пойдет псу под хвост, и потом ему придется приложить немалые усилия, чтобы все восстановить. Мы ему поверили и поехали одни.

Сестра с мужем и с дочкой вернулись на двенадцатый день нашего пребывания. И последний день мы провели вместе. Они нас свозили на экскурсию в парк, где мы катались на фуникулере по канатной дороге, фотографировались. А вечером они нас проводили на вокзал и посадили в поезд Одесса-Москва...

АЛКОГОЛИЗМ

Тем временем жизнь бежала вперед. В Москве начались тяжелые времена. Шла война в Чечне. Отголоски той войны отдавались в Москве террористическими актами: взрывались жилые дома ни в чем не повинных людей. В связи с терактами везде жильцы собственными силами устанавливали круглосуточные дежурства в подъездах. А к нам в общежитие администрация наняла охранников из службы безопасности. Охранники – молодые мужчины – стали дежурить совместно с вахтерами. Какая это была помощь бедным вахтерам! С приходом охранников наркоманы, с которыми вахтеры тщетно боролись, перестали появляться. Теперь прежних тусовок наркоманов в общежитии не было. На этажах стало спокойнее. Наконец-то народ общежития облегченно вздохнул. И у вахтеров жизнь облегчилась еще и тем, что теперь можно было с поста отходить, например, пообедать по-человечески.

Я ходила в гости к уборщицам на второй этаж, где они зачастую засиживались. Наши посиделки начинались с легких спиртных напитков, затем переходили по возрастающей к более крепким, а потом уже смешивали все подряд. На следующий день все приходило с головной болью и начинали рабочий день с «поправки здоровья», которая нередко переходила в очередные посиделки. Поначалу мне это было интересно. В этом была своя прелесть, когда можно максимально расслабиться, раскрепоститься, позволить себе некоторые вольности. И я иногда разрешала себе выразиться матерно, нарушая табу, усвоенное с детства. Боже, сколько запретов терпит человек в своей жизни! В школе – нельзя, в институте – нельзя, затем уже взрослый – опять нельзя, некрасиво и не принято, при детях – нельзя. Когда же можно? Вот, когда можно! Вот, где я глотнула воздуха свободы! И такое «можно» не помешало бы устраивать каждому человеку. А то ведь в тесках сплошного «нельзя» далеко не уедешь. Я где-то читала, что в какой-то западной стране (может, не в одной) такое явление практикуется в целях психологической разгрузки. Есть специальные увеселительные заведения, куда человек приходит, чтобы насладиться бранными словами за бокалом вина или виски. Хотя этот человек занимает высокий пост, и ему по статусу непозволительно так расслабляться.

А еще одно оправдание: скука и желание заполнить вакуум, безысходную пустоту, создавшуюся в тот момент. Как бы там ни было, мне нравились наши посиделки. Легкое, веселое, душевное общение на уровне «ты меня уважаешь?». Долгие безотчетные разговоры (что по пьяни, то не считается). Но, конечно, все в меру. Чтобы позволить себе такие эксперименты над собой, надо быть, как минимум, сформировавшейся личностью, обладать колоссальной эмоционально-волевой стойкостью. Хотя такие эксперименты характерны для подростков. Видимо, мой астролог не зря утверждает, причем постоянно, что во мне сошлись два несовместимых начала – женщина-подросток и светская львица. Но, как бы там ни было, я коротала необходимую мне системную жизнь.

Вожденный ордер

Если говорить о счастливой случайности или о простом, но счастливом совпадении, то в моей жизни оно опять произошло. Мне опять позвонила моя подруга Тома. Она, как телепат: буквально перед ее звонком я задумалась о своей нелегкой судьбе – квартирный вопрос у меня никак не решался.

Услышав телефонный звонок, я не сразу смогла найти трубку радио-телефона, которая у нас вечно валяется в самом неожиданном месте.

– Алло, – промычала я в трубку, наконец отыскав ее.

– Привет, мать! Ты что, из пятой комнаты бежала к телефону? – Тома всегда так шутила, когда я долго не подходила: дескать, квартира большая, пятикомнатная, пока дойдешь до телефона. Если классик писал о том, что квартирный вопрос портит москвичей, то я бы добавила, что квартирный вопрос сплачивает тех, кто пытается решить его. Тома мне звонила как раз по этому поводу.

– Мать, у тебя есть проблемы с квартирой?

– Допустим.

– Предлагаю тебе съездить со мной завтра в храм к мощам Даниила Московского, говорят, помогает.

Мне сразу вспомнилось, как у меня возникли сложности по поводу неожиданного увольнения, и Тома точно так же позвонила, спросила, нет ли проблем с работой, и предложила сходить в церковь. Мне тогда, помнится, это помогло.

– Том, ты телепат! – воскликнула я. – Во-первых, у меня действительно трудности с жильем. А во-вторых, я только что сидела и переживала по этому поводу.

Тамара довольно рассмеялась:

– Ну, как ты насчет завтрашнего утра? Церковь на «Тульской».

– Нет проблем. Я, как всегда, утром провожу своих и поеду.

Потом мы долго говорили о том, о сем, о своем, о женском. В завершение разговора Тома сказала:

– Ну, тогда пока, до завтра. Встретимся в «Туле», в центре зала, в девять. Не опаздывай.

Тома любила слэнг.

На другой день мы действительно сходили в церковь. У Тома проблема с квартирой заключалась в продаже ее комнаты в коммуналке, она собиралась эмигрировать в Аргентину.

В тот же год в системе произошли некоторые изменения. Поменялось руководство средней руки, непосредственный начальник всего рабочего класса. Поговаривали, что она женщина очень строгая, принципиальная, но справедливая. И поддерживает рабочих во многом. Это был мой шанс, которым я, не замедлив, воспользовалась. Я сходила к ней на прием, рассказала о своей нелегкой судьбе и попросила помощи в получении квартиры. Она обещала мне помочь и слово свое сдержала. Мне выдали наконец-то долгожданный ордер на квартиру, которую наша семья занимала. Кто говорит, что не бывает счастливых случайностей или счастливого совпадения? Жизнь состоит из таких случайностей. А может, это и есть закономерность? Но, как бы там ни было, отныне квартира была официально нашей. Но уходить из системы (я помнила горький опыт мужа) было бы неразумно. Мне до конца срока оставалось всего ничего.

И жизнь покатила дальше. Я по-прежнему коротала время в компании нашего дружного коллектива за частыми застольями. У меня постепенно развивалась зависимость от алкоголя. Это я понимала четко. Если поначалу я могла пить только в дни своего дежурства, то есть сутки через трое, то теперь меня тянуло и в свои выходные оставаться с веселой компанией. С приходом охранников у вахтеров появилась возможность на ночь возвращаться

домой, и после каждого моего дежурства муж за мной заезжал и всегда забирал меня домой если не пьяную, то изрядно выпившую. Естественно, ему это не нравилось, у нас начались конфликты. Мне потребовалось немало усилий, чтобы остановиться. С одной стороны, я понимала, насколько это серьезно и насколько прав мой муж, но, с другой стороны, у меня почему-то срабатывал врожденный инстинкт противоречия, и мне, словно подростку, хотелось все делать наоборот. Возможно, в глубине души, на подсознательном уровне, я обвиняла мужа в том, что мне в жизни пришлось пройти эти испытания, эту системную жизнь. Но, тем не менее, прекращать с этим безобразием было необходимо, пока окончательно не затянуло. И я решила найти себе подработку, чтобы быть максимально занятой и чтобы у меня не оставалось времени на ком пании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.